

Тома Ларионова

Бумеранг

всегда

возвращается

Книга 2

**Дневник матери
и свекрови**

16+

Тома Ларионова

**Бумеранг всегда
возвращается. Книга 2.
Дневник матери и свекрови**

«Автор»

2019

Ларионова Т.

Бумеранг всегда возвращается. Книга 2. Дневник матери и свекрови / Т. Ларионова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-09476-5

Вторая книга трилогии «Бумеранг всегда возвращается» — это повествование о судьбе главной героини Марии Паниной в тот период, когда её сын ушёл из семьи во «взрослую жизнь» в семнадцать лет. Будет ли он счастлив, встретив великую и отчаянную любовь? Примет ли невестку Мария? Как и всё в жизни, что делала главная героиня, она решила быть идеальной свекровью. Получилось ли? Как её трагическое прошлое отразилось на детях и внуках? Какой ещё «подарок» преподнесла ей судьба? Действие романа - "лихие" девяностые годы, которые поломали многие жизни.

ISBN 978-5-532-09476-5

© Ларионова Т., 2019

© Автор, 2019

Тома Ларионова

Бумеранг всегда возвращается.

Книга 2. Дневник матери и свекрови

Предисловие

Старая потрёпанная записная книжка. Надпись детским почерком: «Блокнот Лариной Марии». Нет ни одной даты! Когда же я, девочка с синдромом «гадкого утёнка», взялась выписывать высказывания о любви из книг, журналов и календарей? В тринадцать или четырнадцать? Не помню. Знаю точно, что в подростковом возрасте считала себя дурнушкой, была уверена, что меня никто не любит и не полюбит никогда, страдала от этого и плакала по ночам. А ещё читала Золя и Мопассана. Я хотела раскрыть тайну из тайн – что же такое любовь? Счастье это или наказание? Может быть, просто случайность в судьбе человека? Любовь возвышает и возносит человека до небес или рушит всё на своём пути? Или можно её определить одной фразой – любовь слепа? Кто знает ответ на этот вопрос?

«Любовь! Открыто, не стыдясь, произносил я это слово: оно старо, но вечно ново.» – Рылский. «Любви все возрасты покорны» – А. Пушкин. «Не бывает любви несчастной. Может быть она горькой, трудной. Безответной и безрассудной, может быть смертельно опасной, но несчастной любовь не бывает; даже если она убивает. Тот, кто этого не усвоит, и счастливой любви не стоит.» – Б. Заходер. «Любовь – животворная сила для добрых и чистых сердец.» – Хафиз. «О, Бог любви! Ты молод, как весна, твои ж пути, как мироздания, стары». – Толстой. «...хуже всякой муки хотя бы и любые подозренья – смертельная пытка ревности мятежной». «Любовь осталась вечным узнавателем, она для нас лишь самое начало». «Ревность – это источник мук для любящего и обида для любимой». – Гальдони. «Не бойся любви, к ней навстречу иди, сражённый любовью воспрянет». – Садди. «Пусть Бог вас оградит от ревности: она чудовище с зелёными глазами, с насмешкой ядовитой над тем, что пищей ей служит». – Шекспир. «Если ты полюбишь, то узнаешь, какая это мука. Будешь жить с клином, забитым в душу, и делать при этом весёлые глаза». «Любовь приносит много тревог и боли». «Любовь – это бурное море, так будь же хорошим пловцом!». «Любовь с первого взгляда буквально – удар молнии!». «Беззащитно сердце человека, если без любви... Любовь – река: ты швырнул в сердцах булыжник в реку, канул камень в реку на века... Пять минут качались облака.» – В. Тушнова. «Если нету в любви уверенности, заговаривают о верности. Верность – слово это высокое, но не каждое сердце трогает. Потому что его придумала не любовь, а ревность угрюмая». – С. Щипачёв. «Разбранившись, можно помириться, разлюбивши – вновь не полюбить». – Э. Асадов. «Человек, когда он человек, без любви на свете жить не может». – Э. Асадов. «Доброта – есть первый вестник дружбы». «Любовь с хорошей песней схожа, а песню не легко сложить». «После бури яснее небо, после ссоры – сильнее любовь». «У счастья есть особая примета: оно не любит заходить в тот дом, где от сердечной дружбы и от света хоронятся за пыльным сундуком. Всё в жизни будет: ветер и ненастье, всему приходит в жизни свой черёд. Для друга сердце распахните настезь! И верьте, счастье вас не обойдёт!» – С. Поликарпов. «Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым – это значит научить самого себя уважать, научить человеческому достоинству». – А. Макаренко. И наконец я нашла то высказывание, которое бы хотела сделать эпиграфом к своему роману: «Любовь должна не туманить, а освежать, не омрачать, а просветлять мысли.» Наверное, именно слова неизвестного мне Мильтона запали в детскую душу надолго, я так и выросла с убеждением, что любовь должна приносить только радость!

Глава 1

Одиночество в толпе

Сиюю одна в чужой двухкомнатной квартире. Стоит поднять голову, тут же вижу в трюмо бледную уставшую женщину с воспалёнными глазами, с растрёпанными во все стороны каштановыми волосами и с такими пустыми глазами непонятного зелёно-коричневого цвета, что я не могу поверить, что в зеркале я – Панина Мария Ивановна. Нет, я уже не плачу. Перегорело всё внутри – пустота. Одиночество. Растерянность. Плакала украдкой в вагоне, отвернувшись от соседей к стенке. Не хотелось ни с кем разговаривать, не хотелось есть и спать. Лежала с закрытыми глазами и прокручивала в голове ситуацию в семье и отношения со свекровью. Вот и сейчас сижу на диване у двоюродной сестры Вероники в Солнечногорске, за окном завывает ветер, а я стараюсь себя успокоить:

– Маша, что произошло? Если посмотреть на всё трезво, без эмоций? Ничего. Немного не сошлась характером со свекровью, чего, в принципе, я и ожидала. А поздние приходы сына из-за какой-то девушки, временное охлаждение ко мне мужа, его увлечённость работой, отдаление дочери – разве это достаточные поводы, чтобы впасть в депрессию? У других ещё хуже. Всё у нас образуется, надо только переждать. Подумать, что можно изменить. Подлечить нервы, а потом вернуться домой и всё начать с нуля. Ты же оптимистка, Мария Ивановна!

Только уговоры не помогали. На душе не просто скребли кошки, душа разрывалась от боли и отчаяния. Сколько может вынести такая женщина, как я? Не знаю...

Я уже пятый день в Солнечногорске. Навестила в первую очередь Марину Алексеевну, потом была у Милены и Анюты, съездила к тётке Вале, зашла на квартиру, где когда-то жила бабушка Даша, а теперь с дочкой там проживает младшая сестра Женька. И что? У всех своя нелёгкая жизнь. Где они, счастливые люди в нашей стране? Нет их! Только разве от этого мне лично стало легче? Наблюдаю за жизнью Вероники, красавицы и умницы, которой я в детстве завидовала. В чём её счастье сейчас? Живёт одна с дочерью, муж ей изменил, предал и женился на другой, оставив ей больную девочку, неразделённую любовь, нищету и расшатанную нервную систему. Квартиру он оставил себе, материально помогает мало. Хорошо, что тётка Валя сумела добыть ей квартиру. После смерти дяди Феди она вышла замуж за вдовца, прописалась у него, а он вскоре тоже умер. Эту квартиру она сумела переписать на дочь. Можно осуждать меркантильный поступок тётки, но каждый устраивается в жизни, как может. И за то, что у Вероники с дочерью появилась квартира, я радуюсь. А вот в личной жизни повезёт ли ей? В первую ночь, когда я неожиданно-негаданно появилась у них, Вероника поведала свою грустную историю замужества.

Любовь ворвалась в её жизнь ураганом. О лучшей партии, чем Вячеслав, папа которого был первым секретарем горкома, Вероника не мечтала даже во сне. Городок, где они жили, был небольшим, здесь практически все знали друг друга. И когда завидный жених настойчиво начал ухаживать за Вероникой, а потом сделал ей предложение, то завистники начали злословить и шептаться:

– Да какая она ему пара? Её мать торгует на рынке, а отец простой шофёр!

До Славы у Вероники никого из парней не было. Так, школьные друзья – товарищи, периодически объясняющиеся ей в любви. Вячеслава она увидела на танцах в Доме культуры, и как это бывает у молодых девчонок, влюбилась в него с первого взгляда. Подруги, заметив, куда она смотрит, тут же услужливо предостерегли:

– Даже и не мечтай! Его родители хотят, чтобы он встречался с девушками из их круга: дом, машина, дача и родители при должностях.

Вероника вздохнула. Разве она виновата, что выросла в другой среде? Что мама ездит за шмотками в столицу, а потом их продает по спекулятивной цене? Что отец, хотя и добрый по натуре человек, но если переберёт лишнего, то спастись от его необузданного характера можно только у соседей? Что от постоянных стычек между родителями у Вероники и её двоих сестер

не все в порядке с нервной системой? Неужели и она должна прожить такую же никчемную жизнь, как её мать?

– Нет, у меня всё будет по-другому! И за свою любовь я буду бороться! – Ника привыкла давать себе слово и выполнять задуманное.

Бороться за любовь ей не пришлось. Слава обратил на неё внимание уже через неделю и после танцев вызвался провожать. Стояла жаркая майская погода, воздух был насыщен запахами сирени и акации. Где-то по дороге Слава попросил Веронику присесть на скамейку, а сам куда-то отлучился. Пришел он с огромной охапкой сирени и бросил букет к её ногам.

– Вероника, Ника, я готов бросить к твоим ногам не только цветы, но и всю свою жизнь!

Да, вот оно, счастье! Ухаживания Вячеслава, а он был старше на четыре года, очень отличались от детских признаний одноклассников. Почти каждый вечер он приносил Нике цветы, дарил конфеты и дорогие французские духи, название которых сестра даже не знала, водил в рестораны, катал на папиной машине, а через два месяца сделал ей предложение, не спросив совета своих родителей.

Родители Славика, конечно, приняли сообщение сына о будущей свадьбе в штыки. Пролетарское происхождение невесты их, конечно, не устраивало. Но они всё же решили хотя бы с ней познакомиться. Да, я помню тот момент, когда Вероника не пригласила нас на торжество по поводу знакомства. Но уже давно простила её. Итак, увидев Веронику первый раз, мать Славы ахнула:

– Господи, деточка, ты же ещё ребёнок, как ты собираешься строить семью?

Нике в ту пору исполнилось двадцать лет. Худенькая, хрупкая девушка с широко распахнутыми глазами и густыми ресницами вызывала чувство жалости, а скромное поведение не давало повода говорить с ней грубо. Мать и сама не заметила, как стала на её сторону.

Свадьбу сыграли с размахом. Наверное, около пятидесяти машин подъехало к Загу. Столы ломились от яств, хотя в магазинах в ту пору практически ничего не было. Когда жених надевал кольцо, оно выпало у него из рук. Мать Вероники, тётя Валя, женщина суеверная, перекрестилась, прося у Бога счастья для дочери.

Молодые поселились в просторном доме родителей Славы. В 1977 году, как и у меня, через год после свадьбы, у них родилась Маринка. На лице ребёнка около носа «красовалась» большая шишка. Саркома. Ребёнка долго не выписывали, а когда родители вместе с Вячеславом приехали в роддом, то врач им тихо сказал:

– Девочку надо оперировать. Конечно, гарантии, что опухоль больше не появится, нет никакой.

Ника всё слышала. Домой приехала в слезах. Успокаивала её свекровь, сердобольная и очень порядочная женщина, а мужчины в это время заливали горе вином.

– Спасибо маме Славика, она меня поддерживала в трудные минуты, – вспоминала Вероника. – Я так переживала за дочку, что даже не заметила, как отдалился от меня Слава. Приходил поздно, потом, отвернувшись от меня, ложился спать. Когда ребёнок плакал, то он вообще уходил на диван в зал. В семь месяцев нас с Маришкой положили на операцию. Слава Господу, всё прошло хорошо. Зато дома меня ждал полный крах семейной жизни.

Подруги – доброхоты донесли ей, что пока она лежала в больнице, Славу часто видели в обществе молодой особы. Муж всё отрицал. Опять же здоровье малышки не позволяло тратить время на выяснение отношений. Ника полностью посвятила себя ребёнку. Боялась, что на лице останутся шрамы, и девочка потом не сможет устроить личную жизнь.

– Когда я с ребёнком гуляла, ко мне подошла симпатичная девушка лет двадцати. Посмотрела на меня с вызовом и словно обухом по голове: «Я жду от Славика ребёнка. Он больше тебя не любит, не пытайся его вернуть», – у Вероники при этих воспоминаниях слёзы навернулись на глаза.

Ника как-то сразу постарела лет на десять. Вернувшись в родительский дом, она поняла, что долго здесь жить не сможет. Отец часто уходил в запой, а мать в бессилье что-то изменить срывала зло на дочерях. В один из дней Ника собрала вещи, как и я когда-то, и уехала к бабушке в Солнечногорск. От бабушки пришлось уйти на квартиру, потому что Маринка не давала старушке спать.

– Я теперь не могу сказать, как я выжила в то время. Я долго не могла поверить, что такая огромная, как мне казалось, любовь Славы так быстро могла пройти. Это какой-то бред! Этого не могло произойти со мной! Но, как говорят, беда не приходит одна. У меня начались такие сильные головные боли, что я даже падала в обморок. С работы пришлось уйти. Кто будет держать женщину, которая постоянно берёт больничный лист? – Вероника смотрела на меня так, будто я могла ответить хотя бы на один её вопрос.

Дальше было ещё хуже – Вероника перебивалась случайными заработками. Помогали её родители и мама Славы, которая очень любила Маринку. Во времена Горбачева одна из оставшихся подруг Ники пригласила её поехать в Польшу за товаром. Веронике ничего не оставалось делать, как согласиться – заняла денег и поехала. Автобус с русскими «челноками» где-то на границе остановили бандиты и забрали все деньги и драгоценности.

– Наверное, хорошо, что обручальное кольцо пришлось отдать, сама я не могла с ним расстаться. Смотрела на него и плакала. И каждую минутку вспоминала и надеялась, что он, мой любимый, вернётся ко мне.

Потом боль утихла, но не прошла. Однажды, когда девочке исполнилось пять лет, они с Мариной ездили к бабушке. И тут впервые за эти годы Вероника увидела бывшего мужа, расплывшегося, неухоженного и с пустыми глазами. В то время жена ему родила второго ребенка – вторую девочку. Славик не стал отворачиваться и делать вид, что её не узнал. Однако дочь не поцеловал. Говорить было не о чем. Алименты он платил исправно, а отцовскую любовь разве можно купить или вымолить?

– Так что, дорогая сестрёнка, жизнь у всех печальная. По сравнению с моей, Маша, у тебя всё хорошо – муж, дети, квартира, работа, друзья. У меня только дочь и рынок. Маринке, как и твоей Алёнке, скоро двенадцать. Ей очень нужен отец! Да, встречается с ним иногда, но больше расстраивается из-за таких кратких свиданий. Я теперь понимаю, как тебе больно было, когда твой отец демонстративно тебя не замечал, а с младшими дочками возился, выражая им свою любовь. Ты так и не зашла к нему?

– Нет, Вероничка, на это сил у меня нет. Зачем прошлое ворошить? Не могу больше и не хочу. Тут бы со своими проблемами разобраться!

– Я тебя не гоню, живи, сколько нужно. Может, тебе в санаторий в Пятигорск съездить?

– Может быть и надо. Пока свекровь там, я точно домой не поеду...

Стоял ноябрь 1989 года. В Солнечногорске в это время обычно дул сильный ветер, снег сменялся дождём, по утрам стелился туман. Погода не располагала к тому, чтобы гулять по городу. Да и не хотелось мне. После звонка Саши, который спросил с раздражением в голосе, когда я собираюсь вернуться, я снова впала в тоску и непрерывно думала о нашей с ним жизни. Я корила себя, как всегда обвиняя во всех смертных грехах. Наверное, права Вероника, что у нас не всё так плохо. Мне многое нужно переосмыслить, многое в себе переделать. Хотя понимаю, что себя воспитывать – дело очень трудное. Чувствую, что во мне сидят как-бы два человека, которые постоянно ссорятся и выясняют отношения. Иногда получается так, что побеждает тот, кто быстрее отреагировал. Так получилось с моим скоропалительным отъездом из дома. По первоначальному плану я собиралась, до ссоры со свекровью, поехать с ней в Москву, посадить на поезд, побыть пару дней у подруги, посетить врача, а потом уж поехать на лечение в Пятигорск или Кисловодск. Потом проведать друзей и родственников в Солнечногорске и Зеленодольске. А получилось так, что я оставила семью в не очень простое время, попросту сбежала, чтобы дать свекрови спокойно побыть недельку с внуками. Самопожертвование?

Можно назвать и так. Только в тот момент мне казалось, что я выбрала самое верное решение. Для кого? Для свекрови? Так я точно знаю, что она никогда не оценит и не поймёт мой выбор. Впрочем, я даже не расстраиваюсь по этому поводу. Пусть живёт со своим Гришей, её жизнь меня больше не интересует. Зла я ей не желаю и никогда не желала, а добра больше делать не буду. Всё моё хорошее к ней отношение, жалость и сострадание, обернулось для меня бедой и душевными переживаниями. Мало у меня забот и без неё? Одни проблемы с Егором чего стоят! В последнее время я не высыпалась, ожидая его прихода. А теперь узнала, что у него девушка в пятнадцать лет. Рано, ой как рано! Хочу написать ему отдельно письмо, только вряд ли он меня послушает. И с отцом у него нет взаимопонимания. Что делать, ума не приложу. А доченьку, мою Алёнушку, жалко безмерно! Как она там, без меня? Бабушка за время своего пребывания привязала её к себе, теперь ребёнок будет и без мамы, и без бабушки после её отъезда. Саша сказал, что у неё на нервной почве начал болеть желудок. Сходили к врачу, ей выписали кучу лекарств. Кто будет следить, чтобы она регулярно их принимала? Может быть, мне вернуться? А кому я нужна с такими расшатанными нервами? Раз уж выбралась, нужно подлечиться. Егорка, надеюсь, за моё отсутствие повзрослеет немного, начнёт помогать отцу готовить еду, смотреть за сестрой, будет лучше учиться и раньше приходить домой. Выдержит ли? Раз считает себя уже взрослым, то пусть примеряет на себя взрослую жизнь. Саше тоже будет нелегко без меня, он привык, что дома всегда чисто, приготовлен вкусный ужин, а дети под моим присмотром. Что же делать, если всё так получилось? Трудности закаляют. Очень надеюсь, что мы выйдем из данной ситуации обновлённые.

Именно в Солнечногорске я снова начала вести дневник. Он помогал мне размышлять, анализировать и систематизировать свои мысли.

«23 ноября, 1989 года. Солнечногорск.

Эту ночь я практически не спала. Переживаю за Егора, который повёз бабушку в Москву, волнуясь за Сашу и Алёнку. Сама я свалилась с самой моей страшной болезнью – аллергическим насморком, сопровождающимся обильными слезами. Лицо распухло, никакие капли не помогают. Теперь дня три буду прикована к дому. Хорошо, что путёвку никто из тех, кого просила, мне не достал. В таком состоянии в санаторий не примут. Я уже заметила, что такая болезнь настигает меня после сильного стресса. И на этот раз она меня не пощадила... Нужно выкарабкиваться. Поправлюсь и поеду сначала в Зеленодольск, чтобы там знакомые сделали мне санаторно-курортную карту, а потом уже в Пятигорск по курсовке. И если с лечением не получится, только тогда поеду домой в Белгород.

Удивляюсь сама себе – сейчас я не скучаю по своей семье. Пусто и одиноко. Сестра уходит рано утром, нагрузив большие сумки товаром, а приходит, когда стемнеет. Маринка ей помогает нести сумки после работы. Обе замерзают, приходят с красными носами и окоченевшими пальцами. Отогреваются в ванной. Вероника частенько пьёт стопку коньяка для согрева. На моё замечание, что так можно и спиться, она махнула рукой:

– Маш, какая разница! Жизнь – подлая штука. И никто в ней никому не нужен!

Я ничего не ответила, а про себя подумала:

– Действительно, разве мы все не одиноки? Да, тут я никому не нужна, но ведь и дома без меня как-то обходятся. Отец мой прекрасно живёт без дочери и сына от первого брака, и Бог его не покарал за это. Мужья бросают жён и детей, и тоже живут спокойно. Вот, вчера я увидела наконец-то бывшего мужа Вероники. Да, красивый был мужчина, высокий, но уже с опущенными плечами. Много морщин на лице, щетина. Пришёл, отдал Марине подарок, постоял на пороге и всё! Миссия его завершена, совесть перед собой очистил. У него своя жизнь, а у брошенной дочери – своя. Разве можно что-то исправить или вернуть назад? Здесь уж точно – нельзя, а в нашей семье, если всем постараться, то можно. Вчера всё же написала Егорке письмо. На ум пришло такое сравнение – если сравнивать семью с домом, то стены мы уже наполовину разрушили. Сын своим поведением начал расшатывать и фундамент. Помогла

и бабушка. Мне сейчас кажется, что я своим отъездом пытаюсь приостановить разрушение. Думаю, что получится. Только бы привести в порядок мысли, чувства и состояние здоровья. Мне просто необходимо подлечиться! Я себя специально настраиваю на лечение, ведь боюсь, что из жалости к мужу и детям затею эту оставлю. Если смотреть по жизни, то моя жалость к близким, моё стремление сразу же помочь, просят меня или нет, откликнуться на беду, облегчить чью-то жизнь – никогда не оборачивались для меня внутренним успокоением и удовлетворением. Так стоит ли всех жалеть? Зачем мама назвала меня Марией? От древнегреческого – возвышенная, превознесённая. Именно Мария всегда и во всём призвана помогать людям. Они нуждаются в её тепле. Чужое несчастье всегда вызывает у неё произвольное желание помочь, защитить и обогреть. И к детям своим Мария относится с трепетом и любовью... И всё это точно про меня! Наверное, свою натуру не переделаешь. И как бы я себе не говорила, что больше не буду жалеть окружающих людей, всё равно так не происходит.

А вместо отдыха и успокоения у меня снова начались бессонные ночи. Постоянно убеждаю себя, что ничего не произошло, а сама думаю о детях и муже. Люблю ли я своих детей, если могла вот так поступить, сесть и уехать, не попрощавшись? Что за вопрос? Конечно, я их очень люблю! Проснулась сегодня в смятении, снова видела тревожный сон: «Я села в какой-то небольшой автобус, а Егор и Алёнка – не успели. Я кричу водителю, чтобы остановился, но автобус несётся на бешеной скорости к Научному. В конце-концов остановился. Льёт сильный дождь, вокруг липкая и жидкая грязь. Я выскочила из автобуса и пошла к детям, утопая в грязи. Я их не вижу, только знаю, что они где-то там, в конце дороги. Мимо проносятся автомобили, обдавая меня грязной водой, никто не остановился, не предложил подвезти. Вдогонку слышу только злорадный смех. Не обращая ни на что внимания, я иду вперёд, рыдаю и точно знаю, что детей своих найду.»

Проснулась. Грудь сжимает тревога. Да, я найду своих детей, буду им другом и помощником, нужно только очиститься от грязи, внешней и внутренней. Нужно как-то помочь сыну разобраться со своей любовью. Судя по тому, какой он приходит взвинченный, там не всё в порядке. Бедный мальчик! Как же защитить тебя от всех невзгод?

Как я устала! Кто бы знал, как мы все устали от такой жизни! Саша вечно на работе, Егор сейчас в Москве провожает бабушку, Алёнка лечится, а я тут одна, в маленькой чужой комнатке, заваленной вещами на продажу. Бессильная, больная и заброшенная! Где та Маша, на которую все мужчины обращали внимание? Когда я выберусь из кризиса? У меня все признаки депрессии – ничего не хочется, ни по ком не скучаю. Наступило полное безразличие, апатия, которая, вроде бы не усугубляет моё состояние, но и не приносит облегчения. Зачем я здесь? И зачем живу? Не знаю...

Звонила недавно Саше. По его настроению, по голосу, раздражению я поняла, что он хочет, чтобы я вернулась домой. Для убедительности сообщил, что узнал, в кого влюблён наш юный сын – в студентку из его института, которая старше на семь с половиной лет! Да, только этого нам не хватало! Известие мужа повергло меня в шок, я села и написала сыну письмо о любви. Да разве он меня поймёт и послушает? Что делать? Я не могу сейчас сесть в поезд и приехать – у меня подкашиваются ноги, снова упало давление, постоянно обливаюсь липким потом, а горло воспалилось. Но самое страшное – я ничего не смогу сделать с великой любовью сына! Немного отлежусь и закажу переговоры.

А ещё мне почему-то очень хочется съездить к маме на могилку. Никогда не думала, что мне это будет жизненно необходимо. Зачем? Чтобы лишний раз расстроиться? Или чтобы пожаловаться маме на свою трудную жизнь? Или лишний раз убедиться, что в этом мире всё временно, всё тленно? А поняв это, пробовать не расстраиваться по каждому поводу, ведь всем нам уготовано местечко с вечным пристанищем.

Да, не такая я сильная, как мне когда-то казалось. Нужно сесть и написать мужу письмо. Только что это даст? Поможет ли ему в данной ситуации? И что может помочь? Ладно, слишком много вопросов. Как всегда.»

«26 ноября 1989 года, Солнечногорск.

Прочитала сегодня повесть французского писателя Андре Ремакля «Время жить». Тема простая и сложная одновременно – о безвыходности повседневной жизни, об утрате чувств после долгого брака у мужа и жены, о вечном желании мужа уединиться, отдохнуть и поспать, а жены – жить интересной и насыщенной жизнью. Господи, как всё похоже! И в кризисной ситуации каждый ищет для себя выход самостоятельно. Я вот спасаюсь бегством. И не первый раз. А от себя, своих мыслей, своей боли куда убежать, где спрятаться? Воскресенье подходит к концу, а от мужа нет даже телеграммы. Зачем всё, зачем?

« Умственное переутомление действительно типично для нашего времени, но оно не при-
суще человеку изначально, а потому необходимо срочно его устранить!» – цитата из той же книги. Что-то я часто начала находить нужные мысли, только как их в жизни-то применить? Я знаю, что так продолжаться больше не может, что в душе засела горечь и обида, но дальше этого не продвинулась. Никаких планов на жизнь в целом и в частности, даже на завтрашний день нет, радости тоже взяться неоткуда. Печально, что в моём окружении у всех так. У каждого свои проблемы, печали, безвыходные ситуации. И хочется всем помочь, всех обогреть, только нет сейчас у меня сил. Чем и как восстановить?

Из-за совершенно скверной погоды и моего плохого самочувствия не съездили с тётей Валей на кладбище. Может быть, это и к лучшему. Я уже устала сидеть одна в комнате, нужно двигаться дальше. Кто придумал это слово – надо? Сама себе жизнь усложняю, мечусь по ней, словно загнанный зверёк, ищу чего-то призрачного, а найду ли? Сама себе боюсь признаться, что в данный момент никто мне не нужен, я никого не люблю и никого не хочу видеть. Да, кризис, возраст приближается к сорока годам. Да, депрессия и неврастения. Диагноз ясен, а чем лечить? Чем заполнить эту зияющую пустоту? Наверное, мне нельзя было рожать детей. Если я не получила любви в детстве, откуда мне её брать, чтобы свет этой любви обогрел моих детей? Пустота кругом. Я понимаю, что, если посмотреть со стороны, как говорит Вероника, то у меня всё прекрасно и даже идеально, но кто поможет выбраться из кризиса? На Сашу надежды нет, он после приезда матери тоже остался в растрёпанных чувствах, он хочет, чтобы жена, как всегда, его пожалела и вдохнула новую жизнь, а мне нужно мужское внимание, ласка, забота, близость, душевная и физическая. А чувства угасают, и мы боимся себе в этом признаться. Страшно! Мы постоянно решаем только чужие проблемы, говорим о сыне, его чувствах и поступках, о матери, которая второй раз предприняла попытку разрушить нашу семью, мы говорим о дочери, как ей сейчас трудно входить в подростковый возраст, мы говорим о работе и карьере – но только не о нас. Понимаю, что молодость с её бесшабашностью, взрывом эмоций, верой в светлое будущее, вернуть нельзя. Но ведь ради детей, ради сохранения семьи нужно искать выход! Или всё потеряно? Осталось только раздражение и недовольство, которое так явственно звучало вчера на переговорах с мужем? Понимаю, что он устал с двумя детьми, но ведь и я не кухарка, не нянька, не уборщица, не посудомойка, я – женщина! И вот об этом не только он, я забываю, бросаюсь всем на помощь. Будни и быт задавили наши чувства, проблемы сына вышли на первый план, и сколько бы мы не обсуждали ситуацию с его любовью, поздними приходами и полного безразличия к нам, именно наши с мужем отношения от этого не изменятся. Ох, Маша, ты всегда была идеалисткой и романтической натурой! Спустись на землю! Сколько ни говори о любви, если она уходит, ничего с этим не поделаешь. Или мы сами её хороним? От таких мыслей мне становится страшно и ещё более одиноко. Нет, я не хочу для своих детей такой же участи, как у меня или Саши, они должны вырасти в полной семье! Сейчас, когда я знаю, что меня уволили с работы, все свои мысли и энергию нужно направить на поиски такого занятия для себя, которое захватило бы целиком, приносило удовлетворение,

отдачу, хорошо бы и деньги, но это всегда у меня стояло на последнем месте. А на первом – работа должна была быть необременительной, чтобы больше времени уделять детям. Дети почти выросли, приоритеты нужно менять. Может быть, тогда я перестану искать смысл своей жизни?»

К концу месяца я практически выздоровела. Заказала переговоры с Егором и загадала – если они пройдут на позитивной ноте, то возьму билет домой и там буду лечиться, а если нет, то поеду в Пятигорск. Как всегда, на переговорном пункте пришлось ждать больше часа. Волновалась. Выступил на лбу пот, может быть, просто от слабости. Наконец, меня пригласили в кабину. Я заказала пять минут. Первый начал Егор:

– Мама, привет! Как ты там?

– Уже лучше, насморк прошёл, лицо нормальное. Как у вас? Ты помогаешь папе?

– По возможности. Дел очень много. Готовлюсь к походу, делаем с ребятами байдарку.

В школе нужно к новому году смонтировать аппаратуру. И в студии занимаюсь.

– Так ты опять поздно приходишь?

– Ну, я стараюсь приходить раньше, но времени не хватает.

– Так когда же ты папе помогаешь?

– В выходной хожу за продуктами, он мне список даёт.

– Понятно, ничего не изменилось. А как у тебя с девушкой? Мне папа сказал, что она намного старше тебя...

– Да какая разница! – сын начал повышать голос. – Мы любим друг друга! Она без меня жить не может, а я без неё.

– Мальчик мой, не кричи на меня. Послушай, тебе всего пятнадцать лет! А девочке уже замуж пора! Я не понимаю, куда её родители смотрят?

– Они ко мне хорошо относятся. Мам, приедешь, я тебя познакомлю. Она знаешь какая классная!

– Но у тебя же была в студии другая девочка, твоя ровесница. Вы расстались?

– Да то была детская влюблённость. А теперь у меня всё серьёзно!

– Егор, как может быть серьёзно в твои годы? Ты о чём? С папой говорил на эту тему?

– Говорил. Папа сказал, что он особо не одобряет, но и вмешиваться не будет.

– Ну да, папа, как всегда, от проблемы устранился.

– Мам, только не надо на папу наезжать! Я всё решил, я уже взрослый, и буду встречаться, с кем хочу!

– Ладно, если всё так и продолжается, мне лучше подлечиться тут. Пожалуйста, к моему приезду урегулируй свои отношения с девушкой, чтобы домой возвращаться хотя бы к одиннадцати.

– Я тебе этого не обещаю!

– Егор, как так... – и нас разъединили.

Я вышла из кабинки, я зажмурилась, чтобы здесь, на людях, не расплакаться. А выйдя на улицу, дала волю слезам. Я отчётливо поняла, что дома меня ждут новые испытания, и решила их отодвинуть.

« 30 ноября 1989 года. Ст. Зеленодольская.

Вчера приехала в родные пенаты, остановилась у Лены с Сергеем. Когда я позвонила в двери их новой квартиры, у моих друзей потерялся дар речи. Лена кинулась меня обнимать и приговаривала:

– Машенька! Ты ли это? Какими судьбами? Ты же говорила, что в ближайшие десять лет сюда не выберешься!

– Ох, Лена, многое мы говорим, да не многое сбывается! Так и будем стоять на пороге?

– Проходи, конечно, раздевайся. Сейчас ужинать будем.

Все наши с Сашей друзья и знакомые восприняли мой приезд как приятную неожиданность. В один голос говорят, что я не изменилась, всё такая же красивая. Бальзам на мою истерзанную душу! Я так рада окунуться в прошлое! Уже съездила в Научный, встретила с Сашиними сотрудниками, у которых когда-то были в гостях, с соседкой по первой квартире. В посёлке много внешних изменений, там построили настоящую школу и два новых дома, а вот атмосфера осталась прежней. Те же склоки, подсиживания, перемывание костей, подхалимаж – всё осталось. Люди смирились, ведь квартиры по-прежнему у них ведомственные. Я отчётливо поняла, что возвратиться я бы сюда не хотела! Детей, конечно, я не узнала, все сверстники Егора и Алёнки тоже стали угловатыми подростками. Я зашла в бывшую амбулаторию и попросила по дружбе сделать мне курортную карту. Не отказали. Так что дня через два поеду на курорт. Поеду опять с тяжёлым сердцем. В первый день я заказала переговоры с мужем, и он сообщил, что с Егором он крупно поссорился и не разговаривает. Алёнка соскучилась и ждёт маму. Нина Даниловна телеграмму, что она добралась до дому, не дала, а к тому же оставила в тумбочке деньги за билет. Мол, от нас ей ничего не нужно! Как же всё достало! Я сказала мужу, чтобы не давил на жалость, мне нужно подлечиться, иначе я загремлю в психушку с такими проблемами.

Егорка получил мои письма, которые я писала ещё в Солнечногорске. Он нехотя их прочёл, и сказал Саше, что мать опять со своими нотациями. Ладно, пусть так. Всё равно буду писать, ведь вода и камень точит. Алёнушке тоже напишу, попрошу прощения, что уехала, и постараюсь объяснить, что мама дома нужна здоровая.

Зашла я в Зеленодольске к своей «приёмной маме» – тёте Оле. Она постарела, но глаза всё те же, излучают доброту и особый свет. Она встретила меня с объятиями, посадила, угостила и внимательно выслушала. Мой рассказ о свекрови вызвал у неё негодование – как можно матери поступать так со своим сыном? Она осудила Нину Даниловну и попросила меня не расстраиваться по этому поводу. Хорошо, что я сама уже отпустила мысли о свекрови, никакой злости и ненависти не чувствую, снова мне её жалко – человек уже пожилой, со своими привычками, мыслями, устоявшимися взглядами на всё. Зачем на неё обижаться? Только себя разрушать? Конечно, до её приезда я надеялась, что она как-то оценит мои старания, моё невмешательство в её стремлении подкупить внуков, мои порывы найти ей жильё – всё оказалось напрасно! Нет, не буду больше о ней. Пусть живёт счастливо, но без меня. Сейчас вопрос вопросов – как наладить взаимопонимание с сыном? Как не потерять его? Как достучаться до глубин его сердца, которое ожесточается всё больше и больше? Будет ли толк от моей поездки?»

Почти перед самым отъездом в Пятигорск я случайно встретила с Аланом. На его лице – испуг, радость и печаль одновременно! Так не бывает? Бывает. Он не удержался и обнял меня:

– Маша! Машенька! Какими судьбами? – потом отстранился, посмотрел внимательно. – А ты не изменилась! Всё те же каштановые волосы, те же глаза, но очень грустные. У тебя что-то случилось?

От его участливого голоса на душе стало теплее, но захотелось плакать.

– Алан, а у тебя есть время поговорить?

– Конечно! Я как раз в школу иду, нужно подготовиться к лабораторным работам, пойдём со мной, там и поговорим.

– А в школе сейчас много знакомых? Мне ни с кем не хочется встречаться.

– Нет, Маша, там только сторож. Ты же знаешь, что женщины после работы скорее домой бегут, у всех семьи, дети...

– А у тебя второй ребёнок появился? Ты же так хотел наследника!

– Нет, не появился. Всевышний нам с Мирой детей больше не дал, – с грустью ответил Алан.

Мы вошли в школу. Капитального ремонта со дня моего увольнения тут так и не было, стены всё также покрашены до половины в зелёный цвет масляной краской, а верх – побелкой. В коридоре в рекреации на самом видном месте до сих пор красуется плакат: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» В лабораторке у Алана тоже ничего не изменилось, разве что появился уголок с маленьким столиком, где стоял электрический чайник.

– Да, будто и десяти лет не прошло! – я выглянула во двор. – И вид всё такой же.

– А что должно поменяться? На образование денег не дают, зарплаты маленькие, все стараются больше набрать часов. К вечеру с ног все валятся. Ты же помнишь, как тяжело было шесть уроков простоять у доски?

– Конечно, помню. Давно это было...

– Так, что-то мы не о том, снимай дублёнку, я сейчас чай поставлю и поговорим. Не нравятся мне твои грустные глаза!

Мы проговорили с Аланом часа два. Он внимательно выслушал историю со свекровью, посочувствовал, что у нас нет взаимопонимания с сыном, а также пожалел Алёнку.

– Не понимаю, Маша, как муж тебя в таком состоянии отпустил?

– Алан, я тебе самое главное не сказала – я просто уехала тайно от всех. Да, не смотри на меня своими большими карими глазами! Наверное, так нужно было. Хотя понимаю, что от проблем сына и семьи никуда не скроешься...

– Что, мой талисман не справился с задачей? Не сделал вашу семью счастливой?

– А ты верил в его силу? Ты знаешь, должна тебе признаться, его Алёнка уронила, он раскололся на две части, цветок отдельно, а стебель с листиками тоже... У меня тогда что-то ёкнуло – не к добру! И правда, как-то после этого беды посыпались одна за одной... – тут я не выдержала и заплакала.

– Машенька, девочка моя, не плачь! – Алан вынул носовой платок и начал вытирать мне слёзы. – Как бы мне хотелось, чтобы ты была счастлива! Не знаю, чем я могу помочь... Знаешь, что? Я тут от скуки занялся чеканкой и по памяти сделал твой портрет в шлеме. Мне всегда казалось, что ты в прошлой жизни была воительница. Наверное, сходство не стопроцентное, но я делал его в надежде, что всё же встречу с тобой когда-нибудь и подарю его тебе. Он медный, не разобьётся! Пусть она, воительница, в шлеме и доспехах, защитит тебя от бед!

– Спасибо тебе, Алан! И выслушал, и чаем напоил, и подарок, оказывается, приготовил. А что посоветуешь с сыном делать? У тебя такой большой педагогический опыт!

– Маша, а ты разве не знаешь статистику, что почти у всех педагогов со своими детьми нет согласия? Мы в школе выкладываемся по полной, а дома хотим отдохнуть. Дети предоставлены сами себе.

– У тебя с Кариной тоже проблемы? Она ведь младше Алёнки, не должны ещё быть.

– Нет, с Кариной всё хорошо. Мира дома сидит, бабушки, как и раньше, души в ней не чают. Так что всё хорошо. А с сыном – попробуй стать на его место! Задай себе вопросы и честно ответь на них. Например, есть ли у него основания считать тебя добрым и отзывчивым человеком? Нравится ли ему, как ты с ним разговариваешь? Если ты при разговоре чувствуешь обиду и злость, что он чувствует по отношению к тебе? Каких тем ты избегаешь в разговоре с ним? Хотела бы ты, чтобы тебя в его возрасте воспитывали так же? Чувствует ли он себя в семье одиноким и непонятым? И, наконец, чувствует ли он, что ты сильно любишь его?

– Алан, да ты прямо Сухомлинский! Хорошие вопросы. Я подумаю над ними на лечении. Спасибо тебе за всё, нужно идти собирать вещи. Я завтра семичасовым автобусом уезжаю.

– Я приду тебя провожу и отдам тебе подарок.

– А Мира как? Не спросит, куда ты в такую рань?

– Маша, – улыбнулся он своей очаровательной улыбкой, – ты забыла, что наши женщины не задают таких вопросов. Давай я тебя сейчас провожу до выхода из школы, а сам всё же подготовлю лабораторную работу. Не обижайся, что до дому Лены не доведу. У нас тут спокойно.

– Что ты, какие обиды! Ты так мне помог! На душе легче стало.

«5 декабря 1989 года. Железноводск.

Второй день на курорте. Приехав в Пятигорск и увидев толпу людей у курортного бюро, я опешила. Не ожидала, что в начале декабря столько желающих подлечиться. В очереди мне сказали, что все санатории переполнены, а курсовку легче взять в Железноводске. Наверное, всё складывалось в мою пользу, ведь именно там у Вероники живёт подруга, которая сможет мне помочь с устройством на лечение, она сама работала в санатории. Конечно, посетила меня и мысль вернуться домой. Но я свою семью уже настроила, что почти до нового года меня не будет, а тут, нежданно, заявлюсь... Пусть отдохнут от меня, я же тоже не подарок, не идеал.

Татьяна, подруга сестры, встретила меня хорошо. Предложила не искать ничего, поселиться у неё, а она попробует меня устроить на лечение и питание в свой санаторий «Бештау». Всё получилось! Теперь двадцать один день я точно никуда не поеду, путёвку оплатила. Поселила она меня вместе с женщиной, которая уже три дня отдыхала тут, в небольшой, но чистенькой комнате. Со временем с Таней я подружилась, узнала ещё одну грустную историю одинокой женщины. Муж её бросил с двумя детьми и уехал на Север. От него – ни писем, ни денег. Вскоре Татьяна влюбилась в женатого человека, врача из своего санатория. Эти отношения длятся уже одиннадцать лет! Они тайно встречаются в разных местах, чтобы никто не узнал. Он говорит, что любит только её, но жену с дочкой бросить не может. В то же время за Таней ухаживает вдовец, предлагает ей выйти замуж. Он обеспечен и, в принципе, неплохой человек. Да только Таня его не любит! Да, вот он, сюжет для рассказа или романа. Я начинаю оживать, и у меня появляются мысли написать какую-нибудь интересную статью.

Ах, какое утром было яркое солнце! Я на него пристально смотрела, когда ходила пить минеральную воду. Из-за гор медленно выползал огненный шар, такой, как я наблюдала когда-то в Зеленодольске. Зрелище завораживающее! Только потом у меня долго болели глаза. Но это мелочи. Всё мне тут нравится – свежий воздух, кругом горы и люди. Вроде бы не одинока, но в то же время до меня никому нет дела. Мне сейчас не хочется лишних разговоров, каких-то ненужных мимолётных дружеских отношений, я приехала лечиться!

Приходится много ходить. Дует пронзительный ветер, в городе стало неудобно. А как бы хорошо приехать сюда летом! Взять бы дочку, подлечить ей желудок. Как она без меня? Все свои силы и помыслы мы в последнее время направили на Егора, девочку забросили, потом полностью положились на бабушку. И что? Егор, как говорят все мои старшие подруги, Арина и тётя Оля, отрезанный ломоть, он всё равно рано или поздно уйдёт из семьи. А с дочерью нужно заниматься! Наверное, по приезде запишусь в изостудию, начну с ней вместе рисовать. Потом будем вслух читать стихи, обсуждать прочитанные книги, чаще нужно посещать кино, театр и выставки. Нужно поддержать её увлечение марками, рассматривать её альбомы, спрашивать, какую серию она хочет приобрести. Мне, как матери, времени с ней нужно проводить больше, беседовать о жизни, о дружбе и любви. Девочку нужно научить готовить, шить и вязать. Вот какая программа выстроилась у меня по отношению к Алёнке. Что ждёт меня с Егором, я не представляю... Не буду пока думать об этом!»

Дни в Железноводске пролетали быстро. За день нужно было посетить кучу процедур, три раза сходить к источнику, попасть к врачу и вовремя – в столовую. По вечерам часто ходила с Таней в кино и даже выбрались однажды в театр. Съездили с ней на выходные на рынок в Пятигорск. Как живём в такой великой стране, я не знаю. В магазинах пусто, а на рынке всё есть. Только цены тут такие, что наших с Сашей денег не хватит, чтобы, к примеру, купить мне самое модное платье. Хорошо, что за тряпками я не гонюсь. Обуть бы детишек, всё остальное себе и детям сошью сама. А вот с обувью дело – дрянь! В детском магазине на подростков ничего нет, а во взрослых отделах и модели не для них, и цены кусаются. К тому же без примерки брать страшно – не подойдут, куда я их дену? Магазин будет далеко, а на рынке тор-

говать я не умею. Всё же решила Алёнке купить туфли-лодочки, а вот Егор остался на зиму без обуви. Да что я всё нянчусь с подростком, который уже выбрал для себя взрослую жизнь? Пусть вместе с подругой ищут обувь в Белгороде. Самостоятельным хочет быть? Пусть будет!

Иногда ловлю себя на мысли, что я сейчас нахожусь в какой-то параллельной жизни, что ничего плохого у меня не произошло, что всё идёт размеренно, как у всех счастливых семей. И дома меня ждёт заботливый муж, любящие дети, свой дом, где есть всё для полноценной жизни. Неужели не реальна такая картина? Так и будет, если я подлечу нервы и научусь себя сдерживать. А на первое место поставлю любовь! К своим близким и к себе. Или наоборот?

«16 декабря 1989 года. Железноводск.

Вот уже и суббота. Осталось лечиться чуть больше недели. Писем от детей я не получила ни одного. Понятно, что Егору некогда, а Алёнка, скорее всего, обижена на меня. Саша пишет, что втянулся в такую жизнь, но не рад ей. Ждёт меня, как избавление от тоски и одиночества, с Егором почти не разговаривает. Да и не видит его. Он не дожидается его с гулянки или с секции, ложится спать, и в отличие от меня, засыпает. На работе какие-то неприятности, он просто не выдерживает физически. Утром они не видятся, потому что Саша рано уезжает. Алёнка встаёт и провожает папу на работу, умеет сготовить кашу и яичницу. Чем питается Егор, он не знает. Письма мужа не доставляют мне радости. Начинает ныть сердце. Что меня ждёт дома?

Перед сном разговаривали с Ниной, соседкой по комнате. Я недавно набросала черновик статьи об отношениях невестки и свекрови и прочла ей. Она согласилась с тем, что только, если невестка и свекровь принадлежат к одному социальному слою, а также будут стараться наладить отношения, то не придётся делить сына. Разговор снова выбил меня из колеи. Долго не могла заснуть даже с таблеткой тазепама, сильнодействующим лекарством, которое мне назначил невропатолог. Мысли о доме выбросить из головы не удаётся... Чувствую себя виноватой и правой одновременно. Домой хочется и не хочется. Может быть, своим отъездом я запустила бумеранг, который вернётся и ударит прямо в сердце?»

Вчера стояла солнечная погода. Почти весной повеяло. Я распустила волосы, повязала лёгкий шарфик, расстегнула дублёнку. Почувствовала лёгкость и прилив сил. Наверное, лечение всё же помогает! С улыбкой пошла по аллейке к источнику. Вдруг слышу:

– Девушка, остановитесь!

От неожиданности я остановилась и повернула голову. Ко мне быстрым шагом шёл мужчина в модном пальто, тоже без головного убора. Когда он со мной поравнялся, я мельком разглядела лицо – высокий лоб, тёмно-русые волосы, посеребрённые на висках сединой, серые глаза и густые брови. Симпатичный.

– Простите, меня, пожалуйста. Я давно наблюдаю за вами, но всё не решался подойти. Такая красивая женщина, а гуляет по аллеям одна! Вам не страшно?

– А чего здесь, на курорте, можно бояться? – я удивлённо посмотрела на незнакомца.

– А Вы разве не знаете, что горцы до сих пор девушек воруют?

– Мне это не грозит. Я давно и прочно замужем.

– Неужели? А я думал, вам лет двадцать пять! Как жалко! Хотел за вами поухаживать, в кино пригласить...

– Почему и не сходить в кино? – я решила немного пококотничать. – В кино мне муж ходить не запрещал.

– Вот как? Меня, кстати, Николай зовут. Так что он вам ещё не запрещал? И почему одну отпустил на курорт?

– Николай, меня зовут Мария. А вы, я смотрю, очень любопытны. Сразу сообщу – мужу никогда не изменяла и не собираюсь. А иметь мужчин в друзьях муж мне никогда не запрещал. Он всю жизнь мне доверял и доверяет.

– Машенька! Дайте свою руку, я поцелую её! Я не встречал ещё на курорте ни одной женщины, которая бы не изменяла мужу. Вы – сокровище! Таких не бывает! Я буду вашим рыцарем на оставшиеся дни. Можно?

– Всё будет зависеть от вашего поведения. Если грань не переступите, то будем ходить вместе на источник, можем в кино пару раз сходить. Вы в каком санатории?

– Как, вы меня ни разу не видели? В вашем, в «Бештау».

– Я не живу в санатории, я там лечусь и хожу в столовую. Снимаю квартиру.

– И так бывает? Простите, нам, северянам, этого не понять. Мы только по путёвкам ездим.

– А вы откуда приехали?

– Из Норильска. Слышали о таком?

– Конечно, слышала. Чем вы там занимаетесь?

– Секрет! Неужели вам, молодой и красивой женщине, интересна моя работа? Давайте поговорим, например, о музыке. Вы любите музыку?

– Люблю. Только её нужно слушать, а не говорить о ней. Биографий наших выдающихся музыкантов я не знаю, в музыкальной школе не училась, а самой изучать было некогда. Так что я с удовольствием послушаю, если вы что-то интересное расскажите...

Николай оказался интересным собеседником, а к тому же весёлым и добрым. Он чем-то напоминал Алана, только старше нас на восемь лет. Капелька по капельке, но он всё же за неделю, которую посвятил мне, расспросил о семье, детях, вынужденном бегстве:

– Машенька, не вините себя! Что должно было случиться, то и случилось. Действительно, приближаясь к двадцатилетию совместной жизни, многие пары попадают в кризис. Многие разбегаются. У меня так и произошло. Нет, не буду вас утомлять своей историей, она типична. Мне кажется, у вас с мужем ещё всё наладится. А вот с сыном... Юношеская любовь, максимализм, стремление к самостоятельности, игнорирование родительских советов, влияние друзей – комплекс проблем, с которыми будет трудно разобраться. Нужно для него найти взрослого мужчину из числа ваших друзей, может, кто-то увлечёт его взрослой идеей или работой... Подумайте в этом направлении.

– Спасибо, Николай. Идея хорошая. Возьмём на вооружение.

– Мне бы хотелось помочь вам, Машенька! И узнать потом, как у вас дела.

– Нет, не нужно. Как вы поможете? Письмами? А что дети мои скажут, случайно увидев письмо из Норильска? Знаете, у меня есть теория о планетах. Так вот, за эту неделю ко мне приблизилась незнакомая мне планета по имени Николай, обогрела своим теплом, а потом полетела дальше по своей орбите. И никогда эти планеты больше не пересекутся!

– Как жалко, Машенька! Вы такая милая, такая беззащитная и такая сейчас одинокая!

– Нет, я сильная! Я много уже в своей жизни перенесла, думаю, что по возвращении домой справлюсь и с тем, что мне судьба уготовила. Спасибо вам за всё! Я рано утром завтра уезжаю. Простимся сейчас, не нужно меня провожать.

– Как скажете, Мария-искусница! Можно на прощание вас обнять?

Я сама обняла Николая, а потом, чтобы не расстраиваться, всё же привыкаешь к человеку за такой период времени, я повернулась и очень быстрым шагом пошла на квартиру. Татьяна ждала меня на прощальный ужин.

Когда я собирала вещи, хозяйка увидела чеканку с моим профилем:

– А это чей портрет? Чем-то на тебя похож!

– Это я в прошлой жизни! Воительница! В этой жизни тоже всё время воевать приходится. К сожалению.

– Маша, а откуда он у тебя?

– Давай я вещи соберу, а за столом расскажу. Хорошо? Ты пока накрывай. Я там торт и виноград купила.

Я собрала сумку, переделалась в спортивный костюм, в котором собиралась ехать, и пошла на кухню, где меня ожидали Таня и Нина. На столе была бутылка сухого белого вина, салат из капусты, тарелка с картошкой, селедка, сардельки и нарезка колбасы. Всё, что, могли купить. Первую мы выпили за знакомство, вторую за хороший отдых, а третью за мой отъезд. Тане не терпелось услышать историю появления чеканки. Я начала со знакомства с Аланом в школе, где мы с ним работали, потом про то, как я его пригласила в гости, поведала о его женитьбе на девушке, подобранной для него родителями... А потом вспомнила слова, которые он тихонько сказал мне на своей свадьбе...

– Маша! Так в жизни не бывает! – Нина даже прослезилась. – Это прямо как в романе! Ты не помнишь, в каком?

– По-моему, «Гранатовый браслет» Александра Куприна... Там некий Желтков влюбился в замужнюю женщину, княгиню, и украл из кассы деньги, чтобы подарить ей браслет. Приеду, перечитаю. Такая любовь бывает одна на тысячу! Эх, девчонки, что мы знаем о любви? Это такая загадка! – я после вина немного расслабилась и начала философствовать. – Вот, у моего сына тоже великая любовь! А почему я не радуюсь и не восхищаюсь, как в том романе? Потому что считаю, что рано ему влюбляться! Но кто это сказал, что рано? Это мой материнский эгоизм говорит! Ничего мы о любви не знаем! – я помотала головой, подтверждая свои слова.

– Маша, ну почему ты так категорична? У меня разве нет любви? – возразила Татьяна. – Есть! Он меня любит, хоть и женат. А, пусть идёт как идёт! Надоело ждать лучшей доли! Хорошего любовника тоже тяжело найти!

– Девчонки! Вы счастливые! А у меня никакой любви нет! И не было! По залёту родила сына, одна теперь воспитываю. И не до любви мне! Тут бы денег хватало, чтобы мальчишку одеть, обуть и накормить. Спасибо маме, что помогает! Вот кого ценить и благодарить нужно! Мама, это святое! И любовь у неё бескорыстная!

– Нина, я бы поспорила с тобой, но не хочу. Впервые за последние деньки расслабилась. Грустные мысли улетучились Пусть и ненадолго! Мне нужно было давно по стопочке каждый день выпивать! Но нельзя, наследственность плохая...

– Не будем грустить, девчата! Я рада, что у меня жили такие замечательные женщины! Сейчас принесу зачанку, по стопочке коньяка выпьем за женскую дружбу!

Мы выпили, а потом ещё долго болтали на всякие темы, смеялись, вспоминая анекдоты, пытались петь, но в конце-концов в двенадцатом часу я сказала, что нужно ложиться, иначе просплю электричку и опоздаю на поезд.

«25 декабря 1989 г, поезд до Белгорода.

Никогда раньше не возвращалась домой в такой растерянности. Всегда скучала, считала часы и минуты до встречи с мужем и детьми, а сейчас внутри поселилась тревога и страх. Вчера перед сном произносила фразу, которую нам советовали на занятиях по аутотренингу:

– Всё у нас хорошо, а будет ещё лучше!

Я верила в неё, только сегодня снова сомнения закрались в душу. Наверное, всю свою сознательную жизнь человек в чём-то сомневается, в чём-то разочаровывается, сто раз начинает жизнь с понедельника или с нуля. Нам тоже на восемнадцатом году совместной жизни придётся начинать всё заново. Только бы никто из домочадцев не держал на меня зла! Я так боюсь упреков, непонимания, нового витка выяснения отношений с сыном! Как их избежать? Перевоспитать его уже невозможно, слишком поздно. Результат у нас получился, мне так кажется, не совсем хороший. Но есть у него и что-то положительное – не состоит в дурной компании, я надеюсь на это, не пьёт, пока не курит, девчонок не меняет как перчатки. Да, в том состоянии влюблённости или страсти, в котором он сейчас находится, он даже не пытается понять мир самых близких ему людей – отца и матери. Он ничем не хочет поступиться или пожертвовать

ради спокойствия и здоровья своих родителей и сестры. Если ему нужно каждый день до поздней ночи уходить из дому, то ни наши запреты, ни уговоры, ни слёзы матери его не остановят... Понимаю теперь, что нужно было жёстче воспитывать, особенно отцу, только поздно кусать локти. Купила книжку Сухомлинского, читаю сейчас, пытаюсь разобраться в сложностях подросткового возраста. Хватит ли у меня сил переломить ситуацию и принять любовь своего сына? Я попытаюсь. Я буду стараться сделать всё, чтобы сохранить семью и мир в ней.»

На вокзале меня встретили Александр и Алёнка. Душа ушла в пятки – что-то с Егором случилось...

– Машенька! Как мы рады, что наконец-то ты вернулась! – Саша одной рукой забрал у меня сумку, а другой обнял. Алёнка подошла и, вручив мне букет роз, чмокнула в щёку:

– Мама! Я так скучала по тебе!

– Я тоже, доченька! А где Егор?

– Он просил извиниться, у него соревнования, он не мог подвести команду.

– А... Я уже испугалась. Когда дома будет?

– Обещал к вечеру, – ответил Саша. – Если снова не задержится. Давайте пока оставим тему, нас такси ждёт.

С замиранием сердца входила в родной подъезд. Да, там давно никто не убирал, вполне возможно, что настала наша очередь. Поднялись на третий этаж. Из двери своей квартиры выглянула Арина:

– Маша! С приездом! Подлечилась?

– Да, всё нормально, скоро зайду, расскажу, – и я догнала Сашу, который уже открыл квартиру.

– Вот я и дома! Ура! Я смотрю, вы постарались, полы вымыты, – я повесила дублёнку, разулась и прошла на кухню. – И кухня чистая! Алёнушка, твоя работа?

– Мы с папой вместе наводили порядок. И ужин приготовили – картошку с мясом.

– Какие молодцы! А Егор не участвовал?

– Мама, когда ему! Он у нас дома почти не живёт, то секция, то байдарку делает, то с Валея встречается...

– Так её Валентина зовут? Имя мужское, наверное, характер соответствующий. Вы с ней уже знакомы? – спросила я, глядя на Сашу.

– Нет, Егор не хочет нас знакомить. Маша, приводи себя в порядок, не будем пока о сыне. Иначе снова всё начнётся, – и муж горестно вздохнул. Он похудел, щёки ввалились, глаза уставшие и безрадостные. Господи, до чего же нас жизнь довела! Нужно что-то менять! Срочно!

Поужинали мы без Егора. С Алёнкой потом помыли посуду, убрали её в шкаф. Саша ушёл на диван, мы после окончания работы тоже подсели к нему с двух сторон. Установилась тревожная тишина.

– Ой, что это я! Совсем забыла о подарках! Сейчас я буду вас радовать! – я принесла из спальни сумку и начала её распаковывать.

– Алёнушка, меряй! – я подала дочери коробку с туфлями на небольшом каблучке.

– Это мне? Какие красивые! И цвет необычный, тёмно-синий. А какие модные! Лодочки!

– Так меряй скорее, я всё боялась, что с размером не угадаю. – Алёнка начала надевать туфли на зимние колготки.

– Девочка моя! Сними колготки, надень капроновые чулки или подследники.

– А... Сейчас!

Туфли оказались впору. Я так за дочку была рада! И за себя тоже. Мужу я привезла галстук, кассеты с записью бардов и любимую халву. Здесь в городе давно её не было.

– Мама, а Егору что ты купила?

– Хотела найти ботинки, но там тоже ничего хорошего нет. Кооперативные очень дорого. Так что привезла ему тёплый свитер из настоящей овечьей шерсти, ему для похода пригодится. И кассеты с современной музыкой для дискотек.

– Я думаю, он особо обрадуется кассетам, как раз к новому году ему поручили в школе вести дискотеку.

– Господи, как я по вас соскучилась! – я обняла мужа и дочку. – Вы на меня не сердитесь?

– Мам, если честно, я сначала не могла понять, почему ты уехала. Потом папа всё про бабушку рассказал... Я думала, она искренне ко мне привязалась, а теперь понимаю, что нет. Она только себя любит и деда! Думаете, я ничего не помню из той поездки? Помню!

– Алёнушка, не нужно про бабушку. Она такая, какая есть. И она у тебя одна. Лучше покажи мне свой альбом с марками. Что-то новое появилось?

– Пойдём в мою комнату! – Алёнка взяла меня за руку.

– Пойдём, моя хорошая! Пусть папа отдохнёт, устал за время моего отсутствия.

Мы с дочерью смотрели марки, а я всё время прислушивалась, не подошёл ли Егор к двери. Весь шум на площадке в квартире был хорошо слышен. Мы с дочкой просидели до половины десятого ночи, но сын так и не появился. Алёнка начала зевать, я её отправила в ванную, а сама перестелила ей постель. Когда она вернулась, я её крепко обняла:

– Девочка моя! Прости меня! Я знаю, что тебе нелегко было. Но я должна была подлечиться, ты же помнишь, какие скандалы у нас с Егором были. И, судя по сегодняшнему дню, ничего тут не изменилось.

– Мамочка, ты только не расстраивайся! Я тебя так люблю!

– Я тебя тоже, солнышко моё! Спи, спокойной ночи!

Уложив дочку, я пошла в спальню. Это была самая дальняя комната от входа в квартиру. Если закрыть две двери, то не будет слышно, когда сын вернётся. Я не могла лечь спать, не дождавшись его после такой долгой разлуки, поэтому двери оставила открытыми. Как бы я не успокаивала себя, что он любит меня и скучал в разлуке, меня обидело то, что в день приезда он, как и до отъезда, задерживается где-то допоздна. Телефона у нас не было, да и кому можно позвонить ночью! В милицию, что ли? Мы лежали с Сашей обнявшись и прислушивались. Потом муж уснул. Егорка пришёл в половине двенадцатого. Я накинула халат и вышла в коридор. Сын уже снимал куртку.

– Здравствуй, Егор! Дай я тебя обниму! Господи, кожа да кости! Ты хоть где-нибудь перекусил? – я старалась не заплакать и не повысить голос, хотя это давалось мне с трудом.

– Мам, прости меня! Я правда не мог тебя встретить и прийти раньше! Я ничего не успеваю!

– Ладно, в первый день прощаю. Иди поешь, а завтра поговорим, – я потрепала его по отросшим волнистым волосам и ушла в спальню. Жалость к нему и себе, горечь и отчаяние уже с первого вечера поселились в моей душе прочно и основательно.

Новый 1990 год мы встречали втроём – я, Саша и Алёнка. Сын в категорической форме заявил, что они большой компанией, где будет Валентина, поедут к какому-то другу в соседний город. Он не отпрашивался, не извинялся, он просто так решил! Разве можно было пятнадцатилетнего подростка (или уже юношу?) силой удержать дома? Конечно, нет! Мы приняли к сведению и отпустили...

Начались зимние каникулы. Егор вроде бы хотел жить с нами мирно, выполнять принятые договорённости о своих обязанностях в семье, но попав под влияние Валентины, всё чаще и дольше пропадал у неё...

Глава 2

Белая ворона

Ах, если бы можно было всё повернуть назад! Теперь, прожив большую часть отмерянного Богом времени, отчётливо понимаю, что исправить потом ничего нельзя! К нашему великому сожалению. Когда в отношениях с сыном и его девушкой были допущены все ошибки, которые только можно было совершить отчаявшимся родителям, только тогда, как насмешка над моими педагогическими знаниями, мне попала книга какого-то американского психолога, где он на вопрос, что нужно делать родителям, если их ребёнок влюбился, ответил одним словом:

– Ни-че-го!!

Дальнейшее моё повествование можно читать как исповедь матери, которая из любви к сыну хотела оградить его от величайшей ошибки в его жизни, основываясь на своей природной интуиции или дара, но потерпела не только поражение, но и чуть не потеряла семью и здоровье.

Егор у нас вырос парнем видным – рост больше ста восьмидесяти, стройный, если не сказать, что, по материнским меркам, худой, густые тёмно-русые волнистые волосы до плеч, мода тогда была такая, нос прямой, волевой подбородок, густые брови и такие же зелёные, как у меня, глаза. Все знакомые утверждали, что он похож на маму. Где-то начиная с седьмого класса в него начали влюбляться девочки, но он имел какую-то предрасположенность обращать внимание на женщин более старшего возраста. Он впервые влюбился в молодую учительницу биологии, но она оказалась замужем, и его влюблённость осталась как поклонение женщине-идеалу. В то время сын ещё делился со мной своими переживаниями и мыслями, а также спрашивал совета, что делать. Я ему объясняла, что так в жизни бывает, находила книги, где описывались подобные ситуации. Он читал, размышлял и, чтобы быть ближе к объекту своего обожания, просто подружился с той учительницей, помогая ей на уроках и в школе. Я, побывав на родительском собрании, тоже познакомилась с Татьяной Николаевной, которая была их классным руководителем, и поняла, что в данной ситуации влюблённость пойдёт Егору на пользу. Пусть воспитывает в себе рыцарское отношение к женщине. Всё закончилось вполне благополучно, у него до выпускного были с той учительницей дружеские и доверительные отношения. С Валентиной оказалось всё сложно... Ну очень сложно!

Однажды я зашла в комнату сына и дочери, разгороженную пополам книжными шкафами, и увидела за стеклом фото девушки – маленькое треугольное лицо, светлые и довольно редкие волосы и какая-то печальная улыбка. Я вытаскала фотографию, перевернула и прочла: «Егорке от белой вороны».

Я возненавидела её сразу! Как может эта невзрачная девушка двадцати трёх лет встречаться с моим красавцем сыном, которому только пятнадцать? Она в своём уме? И чем она его приворожила?

В этот вечер я дождалась Егора не просто лёжа в кровати и прислушиваясь к каждому шороху, а вышла на кухню. Он пришёл опять после двенадцати, уставший и, как говорят, на взводе.

– Сынок! Долго так будет продолжаться? Твоя «белая ворона» разве не понимает элементарных вещей, что тебе нужно окончить школу, что у тебя есть семья, которая о тебе беспокоится, что родители не могут спать, пока ты не придёшь домой? Неужели обязательно ходить на свидание каждый день?

– Мам, а зачем ты вытаскивала фотографию? Кто тебя просил? – сын сразу перешёл на крик. – Я же не лажу по твоим шкафам? И хватит меня контролировать! Мне шестнадцатый год! И только нам с ней решать, сколько раз в неделю встречаться!

– Ладно, не кричи на меня. Что за моду взял повышать на маму голос? Видно, по-хорошему она не понимает. Может быть, приведёшь её на этой неделе сюда и все вместе поговорим?

– Она с вами не хочет знакомиться! Давай оставим разговор, я устал.

– А мы с отцом не устали? А сестру не нужно пожалеть? Почему ты вырос таким эгоистом? Егор, прошу тебя, приди хотя бы раз после восьми, нам с папой нужно серьёзно с тобой поговорить.

– Хорошо, постараюсь.

Я хотела обнять сына, но он увернулся. Меня колотила мелкая дрожь. Я ушла в спальню, муж спросил:

– Как он? Снова взвинченный?

– Да. Как всегда. Ладно, спи, я тоже постараюсь уснуть.

«21 января 1990 года. Белгород.

И этот воскресный день, четвёртый по счёту, Егор провёл в обществе Валентины. На той неделе мы с Сашей дали ему время, чтобы он как-то урегулировал свои многочисленные дела и свидания. Он, вроде старался, но почему-то каждый день приходил за полночь, а вчера и вовсе побил рекорд – прибыл во втором часу. Спать я не могу, пока не услышу, что он пришёл. А какая мать может уснуть, когда её подросток уезжает на другой конец города, а возвращается ночью пешком? Фонари уже не горят, а в подворотнях кого только нельзя встретить! Время-то у нас какое! То там кого-то ограбили, то убили или избили. Егор ничего не боится, и нас призывает успокоиться.

Сегодня с утра без завтрака он снова уходит к Валентине. Я возмутилась, что он за неделю не выполнил ни одного своего обещания, что в комнате не убрано, постель не застелена, сам неухоженный, а уж когда он делает уроки, мы и вовсе не представляем! Ведь был уговор, что он будет вовремя приходить, а в воскресенье мы не будем препятствовать его уходу. И что? Он хорошо запомнил вторую часть договора, про первую не помнит. Он так решил! Разговаривать с нами он начал в высокомерном тоне, мол, мы его не понимаем, не даём ему полной свободы, а он хочет сам распределять своё время и решать, куда ходить и с кем дружить. Он с яростью каждый день отвоёвывает себе свободу от родителей, от семьи, в которой вырос! Конечно, понятен его максимализм, но почему у сына нет элементарной жалости и сострадания к родителям? Не доходит до «взрослого» человека простая мысль: мы хотим, чтобы он приходил вовремя не потому, что это наша прихоть или испытание нашей родительской власти, мы просто на физическом уровне не можем каждый день дожидаться его, а уснуть не можем из-за беспокойства за его жизнь. К сожалению, поймёт он это только, когда сам станет родителем. А пока мы с мужем не видим выхода из затянувшегося конфликта. Мы не высыпаемся, оба осунулись, раздражаемся, читаем литературу по воспитанию, а толку? Кого воспитывать, если он дома не живёт? Муж как-то разозлился и предложил:

– Раз он не хочет выполнять ни одного нашего требования, пусть живёт самостоятельно. Стирает своё бельё, следит за одеждой и обувью, готовит, убирает, а то ведь без напоминания даже вымыться не может! Да, хорошо решать свои проблемы за родительский счёт!

– Саша, как ты себе всё это представляешь?

– У меня на работе есть сотрудник, мы с ним не то, чтобы друзья, но в хороших отношениях. Так вот, он возглавляет общественную дружину по соблюдению порядка в районе института. Студентам там даже платят какие-то деньги. Я поговорю с ним, чтобы Егора взял к себе.

– Идея хорошая, поговори. А у меня созрела мысль написать статью на тему: «Отцы, дети и любовь».

– Пиши, тебе нужно чем-то заниматься. Кстати, статью о свекрови читали у меня на работе и очень хвалили. Так что – дерзай! Раз пока постоянной работы нет, пиши на разные темы. Ты сможешь о науке написать?

– Если ты сможешь, то, конечно!

– У нас там проблема возникла, нужно в прессе осветить. Тогда я скажу ректору, что ты согласна?

– Конечно, скажи! Заодно я познакомлюсь с Андреем, о котором ты упомянул.

С идеей устроиться на работу, чтобы иметь свои деньги, Егор согласился. И даже поблагодарил отца. А вот когда я ему сказала, что буду писать статью о подростковой любви, он взорвался:

– Пиши! Но если ты там упомянешь мою девушку, то считай, у меня нет матери!

– Господи, ты что такое говоришь? Я ведь собираюсь писать на обобщённую тему, а не о тебе лично!

Но он уже хлопнул дверью и ушёл снова до ночи.

Караул! Помогите вернуть блудного сына! Кто поможет, кому кричать? Пустота и одиночество не покинули меня...»

Говорят, чтобы отвлечься от своих проблем, нужно с головой окунуться в любимое дело. У меня же после санатория постоянной работы не было, статьи мне заказывали периодически, или я сама предлагала темы. С Алёнкой времени я проводила столько, сколько она сама хотела. Она училась уже в шестом классе и три раза в неделю посещала художественную школу. Я предложила ей начать вместе выполнять её домашние задания по изо, но она улыбнулась и с детской непосредственностью ответила:

– Мамочка, я уже четвёртый год учусь, а ты нигде живописи не училась! Как ты рисовать собираешься?

– Ты и будешь моим преподавателем!

– Хочешь, попробуем. Но я как-то не уверена, что в твоём возрасте можно начинать! – Алёнка тоже приближалась к опасному для нас, родителей, подростковому периоду. Утешало только одно – девочка привязана к дому, и к тому же, видя, как брат нас достал со своей непутёвой любовью, старалась компенсировать его отсутствие. Мы с ней начали не только рисовать, мы вместе ходили в гости, в кино, кафе и по магазинам, стремительно пустеющим. Пока за дочь я была спокойна. Если вспоминать о друзьях и знакомых, то в тот сложный период жизни у меня были три подруги, с которыми можно было обсуждать сложившуюся ситуацию с сыном. Все они говорили, что мне нужно узнать адрес «белой вороны» и сходить поговорить с её родителями. Я пока боялась этого шага – что может вытворить Егорка после такого вмешательства?

Прошёл январь. Ситуация в доме не поменялась даже после того, как сын пошёл на вечерние дежурства по городу. Она даже ухудшилась! Ко всему прочему, сын начал нам нагло врать. Говорил, что идёт на дежурство, а сам отправлялся к Валентине или в туристический клуб. Андрей не смог найти подход к Егору, не стал для него авторитетом и другом. А мы так надеялись на это!

И всё же в начале февраля случилось и приятное для меня событие. Муж увидел в газете объявление, что в одном из училищ города срочно нужен преподаватель по английскому языку. Я тут же спустилась к Арине и позвонила по предложенному телефону. Ура! Меня пригласили на собеседование. Завуч посмотрела мои документы, узнала, почему я не работала по специальности, спросила, справлюсь ли я после долгого перерыва, и сказала, что преподаватель им нужен срочно, с завтрашнего дня. Предыдущая молодая выпускница педагогического института ушла в декретный отпуск.

Вот так неожиданно я нашла себе работу. Два пункта меня смущали – далеко от дома и в том районе, где жила Валентина. Первый я отмела сразу – сколько уже можно искать работу по признаку близости от дома? Дети почти взрослые, муж целыми днями на работе, какая теперь мне разница, что далеко ездить? Главное, чтобы работа приносила удовлетворение. Правда, в последнее время я всё же думала, что после некоего испытательного срока мне предложат должность корреспондента в одной из областных газет, но судьба решила всё за меня. Я снова – педагог! Не хочу ничего загадывать, ныряю в работу, как в омут! А с Валентиной, надеюсь,

встретиться мне не придётся, тем более, что пока лично я с ней не знакома. Узнать же человека по фото на улице – вряд ли возможно.

На работе долго ко мне присматривались, но за месяц приняли в свой почти женский коллектив. Наверное потому, что выглядела я практически как все – без причёски, лицо уставшее, а одежда вся в классическом стиле, либо костюмы, либо юбки с блузами. Ничего нового за последний год я себе не шила. Какое настроение может быть у женщины в том состоянии, в котором я находилась? Тут не до моды, хватало бы сил на подготовку уроков и их проведение. Иногда приходила, ложилась на диван и просто проваливалась в сон, тревожный, со сновидениями. Однажды Алёнка, вернувшись из художественной школы, очень за меня испугалась – я кричала во сне. Она подбежала, села на диван и гладила меня по голове:

– Мама! Мамочка! Всё хорошо! Ты дома! Никто не уехал!

– Почему ты так говоришь? – я посмотрела не дочь, ничего не понимая.

– Когда я вошла, ты кричала: « Не уезжай! Прошу, не уезжай!»

– Ничего не помню... А, снова видела поезд, Егор куда-то уехал, а я осталась на перроне.

– Мам, если честно, лучше бы он куда-то в другой город поехал учиться! Никому от него никакой жизни дома нет! Думаешь, я не переживаю за вас с папой, что он с вами так поступает? Я не понимаю, почему он стал таким жестоким! Или у него «крыша поехала» на почве любви? Я их как-то вместе видела – что он в ней нашёл? Чем-то на бабушку похожа – маленькая и не очень симпатичная. Наверное, ему льстит, что на него обратила внимание женщина постарше! Или гормоны играют!

– Алёнка, ты и такие слова знаешь? Да, скоро и от твоего подросткового возраста нам с папой достанется!

– Мамочка! Не переживай! Я не буду так гулять, как Егор! Я не хочу потерять родителей... Неужели он не понимает, что делает? Или любовь – это болезнь?

– Девочка моя! Спасибо тебе за поддержку! А с его любовью или страстью мы с папой уже не знаем, что делать. На работе я подружилась с одной женщиной, Ольгой Петровной, она математичка, и я как-то не выдержала, рассказала нашу историю с сыном. Она считает, что его нужно отправить к психологу. У него развилась психологическая зависимость от этой «белой вороны». Кстати, ты не знаешь, почему она себя так называет?

– Егор сказал, что Валентина не признаёт общепринятые нормы поведения в обществе, считает, что её никто понять не может, поэтому из толпы она выделяется. Считает себя талантливой, сочиняет песни под гитару и неплохо рисует.

– Может, этим она его и покорила? – я смотрела на дочку, но лица её не видела. У меня часто перед глазами была пелена. И только усилием воли я заставляла себя всматриваться в этот жестокий мир.

– Всё, Алёнушка, я встаю, а ты переоденься и приходи на кухню. Что-нибудь приготовим. Не успела я встать, в дверь позвонили.

– Я открою! – крикнула я дочери. На пороге стояла Арина с тарелкой блинчиков.

– Арина! Я так рада, что ты зашла. Проходи на кухню, я хотя бы волосы приведу в порядок.

Причесавшись, я пришла на кухню.

– Маша, ты что-то совсем перестала заходить ко мне, вот я и решила вас проведать. Выглядишь ты плохо, круги под глазами, щёки ввалились. Что у вас тут, есть какие-то изменения?

– Да, есть! Я на работу устроилась в училище, времени на переживания стало меньше...

– Но с Егором как-то наладили отношения?

Я вздохнула:

– Нет, он всё так же каждый день, в буквальном смысле этого слова, пропадает у этой великовозрастной девицы! Я её не видела, но все её поступки говорят не в её пользу. Я её

просто ненавижу! Арина, что мне делать? Коллега по работе советует показать его психологу. А как его туда уговорить сходить? Он из школы приходит, наскоро что-то перекусывает и до ночи его нет.

– Мария, я вам с Александром очень сочувствую. Попробуй, сходи в свою поликлинику, сначала сама побеседуй, а потом как-нибудь уговори сходить и Егора. Нужно же мальчика спасти! Как бы он в больницу не угодил от нервного истощения! Спит мало, худющий, ест как-то плохо, да ещё любовь не по годам себе нашёл... Или придумал. Мы же не можем влезть в его душу. Жалко, что муж у тебя слишком интеллигентный, сходил бы в деканат, где она учится, пусть бы её за аморальное поведение отчислили из института! – Арина тоже кипела от праведного гнева.

– Нет, он, во-первых, не пойдёт, а во-вторых, мы тем самым потеряем сына навсегда. Он нам такого поступка не простит!

– Да, какая-то безвыходная ситуация. У меня, правда, со старшим тоже не очень хорошие отношения, но он хотя бы уже взрослый! А у вас – ребёнок! Конечно, выглядит он чуть старше своих лет, высокий, развитый, но по уму – младенец ещё! Почему же так произошло, где вы упустили?

– Арина, я даже не представляю, как и в чём мы упустили в воспитании. Всё для них делали, чтобы наши дети ни в чём не нуждались! Попросил мопед, мы ему купили. И что? Он даже не смог обеспечить безопасность хранения! Поставил в подвал, там его и украли. Мы не сильно ругали, бывает, мол. Теперь вот к лету просит байдарку. Как отказать в нашей ситуации? Опять разозлится и скажет, что мы его совсем не любим, раз не поддерживаем его увлечение. Придётся покупать, хотя он своим поведением не заслуживает. А Алёнка как переживает! Жалко дочку.

– Вы о чём? – спросила вошедшая Алёна.

– Да всё о вас, о детях. Наверное, есть родители, которые проще относятся к воспитанию, а мы всё за вас с Егором переживаем! Ладно, давайте чай пить с блинчиками, тётя Арина напекла.

– Ура! Блинчики! Мама давно не готовила, ей теперь совсем некогда, то в училище, то в редакции, то на интервью, то готовится к урокам.

– Да, маме твоей нелегко сейчас, ты уж её поддерживай! И ко мне заходите, а то больше месяца никто не заглядывал!

– Хорошо, Арина, будем приходить.

Где-то через неделю после этого разговора я всё же решила сходить в поликлинику. Конечно, если бы я пришла через регистратуру, не думаю, что отнесли бы ко мне с сочувствием и пониманием. Я сначала зашла к главному врачу, у кого в прошлом году брала интервью. Звали его Игорь Андреевич, он был ещё не старый мужчина лет сорока пяти, приятный в общении, эрудированный и, как мне показалось, грамотный специалист. К моему удивлению, он меня узнал и даже вспомнил, как зовут:

– Мария Ивановна! Проходите, присаживайтесь! Какими судьбами? Ещё интервью?

– Нет, я по личному вопросу. У меня с сыном не всё в порядке. Нужно показать психотерапевту. Чтобы человек был равнодушный, выслушал сначала меня, потом с ним отдельно побеседовал.

– Никаких проблем! Сейчас всё устроим, – затем он включил громкую связь и обратился к секретарше:

– Ниночка, пригласи ко мне Ларину!

– Игорь Андреевич, надо же какое совпадение, моя девичья фамилия такая же. Это знак!

– Вот и хорошо. Если ещё нужна будет какая-то помощь, обращайтесь!

– Спасибо, Игорь Андреевич!

Минут через пять в кабинет вошла высокая светловолосая женщина примерно моего возраста, с короткой стрижкой и очень выразительными глазами, про которые можно сказать, что смотрят прямо в душу. Главный врач представил меня и попросил оказать содействие на самом высоком профессиональном уровне. А если бы я пришла с улицы? Всё же наш город отличается тем, что без знакомства, блата или протекции решать вопросы на любом уровне очень сложно! Психотерапевт, имени и отчества уже не помню, да это и неважно в моём рассказе, отвела меня в свой кабинет, предложила кофе и слушала мой эмоциональный монолог в течение двух часов, задавая наводящие вопросы. Успокоила, дала некоторые рекомендации и талон на приём через три дня.

Эпопея с психотерапевтом не дала результата. Мы с Сашей уговорили Егора сходить к ней хотя бы ради нас, он согласился, только в назначенный день врача на месте не оказалось – она заболела. Потом и вовсе он забыл о том, что дал нам честное слово, что сходит.

Между тем время шло, а в семье ничего не менялось. Создалось такое впечатление, что сына нам подменили, он дома физически находиться не мог, его выворачивало и тянуло в дом Валентины. Было бы ему хотя бы восемнадцать, я бы сама пошла к ней свататься, чтобы только прекратить каждодневную муку, медленное умирание. Сколько может прожить человек без сна? Если посадить его в камеру и капать на голову воду, то подопытный погибает на третий день. Мы живём в такой ситуации, когда нам не дают уснуть, с лета прошлого года, с момента знакомства Егора с Валентиной в тур клубе.

« 14 февраля 1990 года. Белгород.

Снова настроение ниже некуда. Сегодня получила письмо от Валентины, дышащее злобой и ненавистью. Да, я попросила мужа раздобыть её адрес и написала ей спокойное письмо, в котором просила не задерживать сына до полуночи, ведь он стал хуже учиться, грубить нам и не выполняет ни одного уговора. Я попросила по-человечески пожалеть нашу семью, которая из-за её прихоти стоит на грани развала. Ведь зло, посеянное Егором в доме, распространяется, мы все раздражены и ничего изменить не можем, если она не повлияет на Егора. Да, по прошествии времени, я понимаю, что зря я это сделала. Только локти кусать поздно. Из её письма я узнала, что сына мы уже потеряли, что у них такая любовь, которая победит не только разницу в возрасте, но и стоит высоко над мнением всех окружающих, на которое она «плюёт с большой колокольни»! Да и кто нам мешает жить спокойно, если она даже не знакома с нами? А чтобы добить меня окончательно, Валентина сообщила, что она «Дьявол во плоти», и нам с ней не справиться...

Как же наш сын попался в её ловушку? Её письмо ещё раз подтвердило, что она истеричка, эгоистка, человек с двойным дном. Эрудиция минус человечность. Ей не жалко никого, ни своих родителей, ни нас. Главное, чтобы ей было хорошо. После такого письма я долго не могла прийти в себя. Хоть в петлю лезь. За что мне такое? Родила сына, радовалась, любила беззаветно, а получаю в ответ одно горе. Отчуждение, злоба, непонимание – и нет света в конце тоннеля! Я снова вспомнила своё безрадостное детство, вся жизнь – сплошная мука, сплошная кровотокающая рана, которую как ни зашивай, всё равно нестерпимо болит. Все мои беды из детства. Я, да и Саша тоже, не смогли воспитать сына милосердным, человечным, добрым, ласковым, отзывчивым, готовым прийти на помощь самым близким и родным людям не только по зову сердца, а даже по одному печальному взгляду отца, матери или сестры. Почему он не научился отличать добро от зла, не стал близким и преданным своей семье, не может отдавать тепло своей души тем, кто его воспитал? И снова я задаю себе вопрос – могу ли я всему этому научить, если в детстве не получила тепла, любви и ласки? Росла одинокая, беспризорная, в нищете физической и духовной. Что я могла оттуда вынести? Как не надо жить и воспитывать своих детей? А как надо? Мне почти сорок, а я до сих пор не нахожу ответы на многие вопросы. Как преодолеть затянувшийся кризис и не разрушить то хорошее, что всё же было в нашей

семье? Разве что мне уйти в монастырь... Господи, что за мысли? У нас же ещё есть Алёнка. Бедная моя девочка! В этой обстановке она такая же одинокая, как я в детстве. Нужно искать выход, Маша! Не плачь, здесь рыдай не рыдай, ничего не изменишь.»

Когда отчаяние поступает к горлу, хочется найти поддержку у мужа или друзей. Но Саша сам в такой ситуации не знал, как разговаривать с сыном, чтобы достучаться до его разума. Наши с ним разговоры тоже заканчивались на повышенных тонах, мы обвиняли друг друга в том, что где-то упустили сына. Я считала, что муж из-за постоянной занятости на работе не уделял ему внимания, никогда не разговаривал на тему взаимоотношений полов, любви, верности, преданности семье. Он обвинял меня в излишней любви к сыну и беспокойства за него. Скандалы в семье случались часто, изматывая нас, но не принося облегчения. Должен же быть какой-то выход!

Имея на руках адрес Валентины и зная точно, что до обеда я её не застаю, решила я ещё на один рискованный шаг – найти поддержку у её матери. В этот весенний и солнечный день я привела себя в порядок, подкрасилась, надела модный тёмно-бордовый плащ и поехала пораньше в сторону работы. Пока ехала, успокаивала себя, повторяя, как заклинание, что всё будет хорошо. Вышла на одну остановку раньше, нашла нужный дом. В последний момент внутренний голос предостерёг: «Маша! Что тебе это даст? Может быть, не стоит?» А воспалённый разум ответил: «Я не вижу больше никакого выхода!».

На звонок вышла пожилая женщина, крашеная в ярко-рыжий цвет, в линялом халате и стоптанных тапочках. Неприятным визгливым голосом спросила:

– Вам кого?

– Мне нужна мама Валентины. Мой сын у вас пропадает практически каждый день, я бы хотела с ней поговорить. Можно её?

– Я и есть мама. Проходите. Сейчас чай организую.

– Спасибо, не надо. Я просто хочу кое-что у вас узнать.

– Хорошо, не разуваетесь, мы ещё не убрали. Присаживайтесь в кресло.

Я посмотрела на кресло, застеленное какой-то тряпкой. На тряпке виднелись кошачьи волосы. Мимоходом я отметила, что диван и стенка тоже очень старые.

– Ой, подождите, сейчас я полотенце хотя бы постелю, кошка очень любит это кресло.

Я подождала, расстегнула плащ и села. Не стала говорить издалека.

– Простите, как вас зовут? Меня – Мария Ивановна.

– Очень приятно! Меня зовите Клава.

– А по отчеству?

– Сергеевна.

– Так вот, Клавдия Сергеевна, вы в курсе, что Егору всего пятнадцать лет? Ваша дочь старше почти на восемь! Это в его возрасте очень много! А вас, как мать, не смущает, что вашей дочери уже пора замуж, а ему до свадьбы почти три года расти нужно?

– Я пробовала говорить с Валею, но она у нас очень упрямая, вся в отца! Сказала мне, что если я буду вмешиваться, то она выпрыгнет из окна! И, поверьте, она это сделает! Отец тоже на её стороне. Она всегда была папина дочка. Что я могу изменить? Я решила отступить – пусть делает, что хочет! Главное, она ночует дома и в одиннадцать они приходят, если в этот день были в клубе. Да вы, Мария Ивановна, не переживайте! Я его тут подкармливаю, он голодный никогда не уходит.

– А разве вы не понимаете, что домой он часто возвращается пешком по темноте и закоулкам? Пока не хлопнет дверь, я заснуть не могу.

– Это уже ваши проблемы. Купите снотворное и спите. Ничего с ним не случится! А разница в возрасте – это пустяк! У меня есть куча примеров, когда жена старше. И прожили всю жизнь хорошо!

– И познакомились, когда мальчику пятнадцать?

– Нет, он старше был, около двадцати.

– Если бы моему сыну было столько, я бы и спала спокойно, и свадьбу уже сыграли бы. Неужели вы не понимаете бесперспективность таких отношений для вашей дочери? Ей же детей рожать нужно!

– Я её тоже поздно родила, и ничего, вырастила! Да, она упрямая, но не такая уж и плохая. Институт с отличием закончит. Не переживайте! Ведь они любят друг друга!

– Ладно, спасибо за беседу. Тут всё понятно, – я ещё раз посмотрела на убогость их жилья и подумала: «Господи, ну почему наш сын выбрал себе нищенскую жизнь?»

Все наши мысли, как я потом, спустя много лет и читая соответствующую литературу, узнала, материальны. Получается, что я сама прогнозировала жизнь сына? Кто теперь может сказать...

А пока я делала ошибку за ошибкой. После безрезультатного разговора с матерью Валентины мы в семье решили смириться со своей участью и постараться понять, чем «белая ворона» привлекла Егора. Для этого мне нужно обязательно с ней познакомиться и подружиться! Ради сына, ради нашего спокойствия и целостности семьи.

Как-то раз, уже в мае, сын попросил денег на билеты на концерт. Это была очередная проверка с его стороны – если не дадут, значит, его в семье совсем не любят. Я не только выделила ему деньги, я решила, что настал подходящий повод увидеть избранницу сына. Я купила билет и себе. Перед концертом я долго настраивала себя на позитив, на принятие того неизбежного, что произошло в нашей жизни. И вот я их увидела! Куда делись мои благие намерения! Рядом с красавцем сыном шла невзрачная девушка ростом ниже его плеча, одета в джинсы и какую-то бесцветную ветровку. Они держались за руки, а Егор, наклонившись к ней, что-то говорил. И при этом смеялся! А мы не видели его улыбки и не слышали смеха почти год! Мы для него стали врагами номер один! И нас можно использовать только для того, чтобы он был счастлив со своей избранницей!

С трудом я подавила гнев и раздражение, подождала, пока они войдут в зал, определила их места и пошла на свой ряд. По-моему, Егор меня не заметил. Какой был концерт, я не помню. Моё внимание привлекала пара, украдкой целующаяся под звуки музыки. Видеть это мне было больно, но и отвести от сына глаз я не могла. Когда концерт закончился, я, как-бы случайно, оказалась с ними рядом.

– Мама? – удивился Егор. – А как ты здесь очутилась?

– Нам выделили билеты от училища, – я заранее придумала отговорку. – А это и есть Валентина? Познакомишь?

– Валечка, это моя мама Мария Ивановна.

– Очень приятно познакомиться, – ответила девушка тихим голосом. Сама скромность!

– Как вам концерт? – спросила я.

– Нам понравился! – ответил сын, а сам не знал, куда деть руки. При мне обнимать Валентину он не решился.

– Мне тоже понравился. А вы сейчас куда? Может, проводите меня и зайдём к нам чайку попить?

– Спасибо, Мария Ивановна, но мне пора домой, мама будет волноваться!

– Ладно, в следующий раз. Валя, вы заходите к нам, а то Егор так мало дома бывает! Наверное, вашим родителям он уже изрядно надоел!

– Нет, что вы! Они к нему хорошо относятся! До свидания, Мария Ивановна!

– До свидания! Егорка, не задерживайся, ладно?

Сын снова пришёл в полночь. Я сидела на кухне и ждала его. Увидев свет, он тоже пришёл туда.

– Мне Валентина показалась скромной и застенчивой девушкой. Почему же она написала мне такое жестокое письмо?

– Какое письмо? – удивился сын. – Вы с ней уже переписывались? Что ты ей написала? – начал закипать Егор.

– Ничего особенного. Просила не задерживать тебя до поздней ночи.

– Мама! Как ты могла! Я же уже взрослый, а ты вмешиваешься в мою личную жизнь!

– Егор, не кипятись. Ты тоже каждый день вмешиваешься в нашу с папой жизнь. И ещё неизвестно, как твои похождения отразятся на сестре. Давай постараемся жить дружно! Встречайся с Валентиной, но умоляю тебя – не наделайте глупостей! Я не хочу быть бабушкой в такие годы! Я и сама могу родить тебе братика или сестрёнку.

– Ну ты даёшь! В твои годы?

– А ты считаешь меня старухой?

– Нет, мам, ты ещё молодая, но насчёт рождения ребёнка ты погорячилась! Как мы людям в глаза смотреть будем? Мне скоро шестнадцать, а у меня братик! Смешно!

– Да это я пошутила, чтобы ты глупостей не наделал. И смотри, у тебя в планах учёба должна быть на первом месте! Окончишь через два года десятый класс, поступишь в институт, проучишься хотя бы три курса, тогда женись! Понял? Или ты после восьмого в техникум пойдёшь, чтобы чувствовать себя самостоятельным?

– Понял. А в техникум не хочу! Что мне там делать? Я хочу, как вы с папой и моя девушка, получить высшее образование! Только будет ли так долго меня ждать Валентина?

– Если любит, то подождёт! – я говорила уверенно, чтобы успокоить сына.

– Ладно, мам, спокойной ночи!

– Спокойной! И знай, что я тебя очень сильно люблю!

– Я тебя тоже!

Вот бы и продолжалось всё в таком ключе! В любви, согласии, принятии точек зрения разных сторон. А как же материнская ревность? Она разве дремлет? Или появляется, когда её хочешь позвать? Нет, ревность – чувство, с которым справиться очень и очень трудно! Особенно любящей матери, у которой сына отобрали в столь юном возрасте. Я вспоминала, как ревновала Сашу ко мне свекровь, но её сыну в то время было на десять лет больше, чем нашему! И я, как невестка, делала всё, чтобы у них были хорошие отношения! Я не радовалась тому, что Саша стал ближе ко мне, чем к ней, я не грубила, не говорила, что сына она потеряла. Кстати, после отъезда из Белгорода Нина Даниловна совсем перестала писать, а на телеграммы и звонки Саши не отвечала. На фоне проблемы с Егором это не выглядело трагедией в наших глазах, хотя я успокаивала мужа, что так уже было. Посердится и отойдёт. Я всегда хотела, чтобы у них с Сашей были доверительные отношения! И даже при таком подходе всё равно не стала хорошей невесткой... Неужели Валентине всё равно, как к ней будут относиться родители Егора, если она утверждает, что собирается ждать его до совершеннолетия? Если бы о такой ситуации мне рассказал кто-нибудь, я бы ни за что не поверила! Не может быть такого! Но мне предстояло с этим жить, и очень хотелось наладить в семье мир. Я, как бы ни хотела принять взрослую девушку сына-подростка, как бы внутри к ней ни относилась, должна изменить свою точку зрения. Как? Конечно, самовнушением! Итак, что хорошего можно найти сейчас? Ребёнок не пьёт, не курит, не состоит в дурной компании, не приводит домой девиц лёгкого поведения, не состоит на учёте в детской комнате милиции. Отлично! Далее – учится на пятёрки, в школе у него много друзей, занимается игрой на гитаре, ходит в спортивный клуб, строит там байдарку, подрабатывает в дружине, встречается только с одной девушкой, которая его восхищает. Всё у него прекрасно! Только почему мне хочется плакать? Как успокоить тревожное материнское сердце, которое чувствует, что его большая любовь ломает ему жизнь? И как не потерять самой саму себя, погрузившись с головой в проблему сына? Нужно

менять в корне свою жизнь! Это очень трудно, только другого выхода нет. Пусть сын живёт так, как он себе придумал, пусть строит планы, пусть встречается с девушкой. Вот что записано в дневнике:

« На разговоры с сыном постараюсь больше не выходить. Но, Бог мой, как же тяжело терять ребёнка вот так, каждый день по капле! И как бы совсем не потерять в этой обстановке любовь к нему! Разве любовь может жить в злобе, раздражении, вранье, недоверии, неуважении? Прости его, душа моя, пойми его, пожалей его, приласкай! Нет у него ещё жизненного опыта, нет культуры общения, нет слов, которыми бы он мог меня утешить. Прости его, прости... Только любовью можно что-то исправить. Значит, нужно любить его такого, озлобленного и ушедшего, а не того милого мальчика, которого я родила и в ком души ни чаяла. Нет больше мальчика! Передо мною юноша со своим максимализмом, со своим взглядом на жизнь, со своим ещё незрелым умом, с противоречиями, со своим миром, который он рьяно охраняет от нас, родителей. Пусть охраняет! Нужно как-то с этим смириться!»

Прошло две недели. Обрадовавшись, что мама прекратила читать нотации и жаловаться на каждодневное недосыпание, Егор стал приходить ещё позже. Я пошла снова к врачу Лариной, чтобы теперь она помогла мне. Иначе просто физически не выжить! Мне снова уделили много времени, она посочувствовала и выписала сильное снотворное. С ним я жила два месяца до лета. Как жила? Для сына делала вид, что смирилась и всё приняла, а ночью плакала в подушку и не хотела жить вообще... Господи, зачем нам дети?

На работе тоже начались проблемы. Мне дали классное руководство, только в том состоянии, в котором я находилась, мне не было никакого дела до внеклассной работы со своими учениками. Руководству училища такая моя позиция не нравилась, они требовали планы и их исполнения. Для отвода глаз приходилось проводить мероприятия, как говорили, для «галочки». Бумага всё стерпит! Хорошо, что на новом месте у меня появилась защитница, Ольга Петровна. Она могла занять мою группу после уроков дополнительными проверочными работами по математике, а я в это время сидела на задней парте и тупо смотрела в планы занятий на неделю. Когда она проводила совместный культпоход в музей или кино, то приглашала и моих подопечных. После того, как на педсовете завуч начала придирается к моим урокам, побывав на одном или двух, то именно Ольга Петровна стала на мою защиту, призывая коллег быть снисходительными к педагогу, который не проработал тут и года.

– Даже опытные учителя допускают ошибки, а Мария Ивановна пришла к нам недавно. До этого у неё был перерыв в работе, а в училище она не работала никогда. У нас своя специфика, школьный опыт тут не всегда срабатывает. Нужно дать человеку время на адаптацию, а не бить сразу по рукам. Мы же педагоги!

Её пламенная речь затронула души многих коллег, особенно, мужчин, все зашумели и поддержали меня. А завуч как-то сникла и перешла к другим вопросам. Так что до следующего педсовета я могла жить спокойно. У Саши на работе тоже произошли перемены. Финансирование научных экспериментов сокращалось, а количество часов для занятий со студентами увеличивалось. Так что мы с ним стали коллегами – оба преподавали. Сбылись мои пожелания, высказанные когда-то в Сибири? Как говорили наши друзья в Научном – бойтесь своих мечтаний, они иногда сбываются.

Наверное, именно в то время, когда любовь сына к Валентине перевернула нашу жизнь с ног на голову, я практически прекратила писать письма Анне и Милене в Солнечногорск, Лене с Сергеем и тёте Оле в Зеленодольск. Они как будто остались в той жизни, где не было такой отчаянной борьбы за будущее Егора. Впрочем, как потом будет известно, со своими лучшими друзьями Леной и Сергеем я виделась в Зеленодольске в тот приезд последний раз. Не выдержав периода конца девяностых и начала девяносто первого года, когда нечем было кормить детей, они всей семьёй эмигрировали в Германию, где у Лены оказались родственники. Я пыталась потом их разыскать через интернет, но тщетно...

И всё же в Белгороде у меня тоже появились близкие подруги. Они сыграли большую роль во всей эпопее с Егором и Валентиной, мне следует более подробно описать их.

Первый день работы во Дворце пионеров. Стоял солнечный сентябрь 1984 года. Я вышла из дому в приподнятом настроении, в предвкушении нового и более счастливого этапа жизни после переезда в город. На мне было платье в мелкую клетку, отделанное бордовыми кантами, по случаю были куплены туфли на невысокой шпильке тоже бордового цвета, я сделала причёску и макияж, я побрызгалась духами «Красная Москва» и шла лёгкой походкой, украдкой наблюдая за реакцией прохожих. Я долго вертелась дома перед зеркалом, чтобы в первый день работы не показаться провинциалкой и «деревенщиной». Я даже загадала себе, что если первым на моём пути встретится мужчина, то с работой всё получится! Так и случилось. Не успела завернуть за угол дома, тут на меня прямо наскочил молодой паренёк. Мы с ним чуть не столкнулись лбами!

– Ой, извините, пожалуйста! Задумался. Я Вас не зашиб?

– Всё нормально, – ответила я, потирая лоб. – Зато примета исполнится!

– Какая примета? – удивился он.

– А, неважно, – и с гордо поднятой головой я пошла дальше.

На другом повороте я увидела девушку приятной внешности и почему-то подумала:

– Наверное, она тоже идёт первый день на работу и тоже во Дворец пионеров. Девушка меня обогнала, и я восхитилась её тонкой талией, пропорциональной фигурой и летящей походкой. Явно, она была моложе меня.

Я даже не удивилась, увидев её на педсовете, где нас представляли коллективу. Звали её Вера Кирилловна, хотя отчество ей по возрасту не подходило. Она устроилась сюда методистом по работе с комсомольцами, как потом оказалось, по великому благу, но девушка была весёлая, общительная и без зазнайства. К тому же мы жили в соседних домах и часто возвращались с работы вместе. Мне нравилось всё в моей новой подруге – молодость, внешность актрисы, типаж Любови Орловой, открытость, доверчивость, отзывчивость, задор и желание сделать всё на самом высоком уровне! В этом вопросе мы были сёстрами-близнецами. Я тоже по жизни была отличница, и если не получалось на пять, то переделывала много раз, чтобы достичь результата. Верочка, так я её звала со дня нашего знакомства, хотела зарекомендовать себя, стараясь выполнять даже то, что не входило в её прямые обязанности. Она никогда ни на кого не обижалась, не завидовала и выглядела абсолютно счастливым человеком! Конечно, по мере знакомства, я узнавала о ней всё больше и больше.

Верочка вышла замуж в восемнадцать лет за парня на три года её старше, который отслужил в морском флоте. Через год у них родился сынишка, а Павел, высокий, мускулистый, с правильными чертами лица, просто сказочный принц, решил уехать на заработки на Север, оставив Верочку у своих родителей. В то время, когда мы с ней познакомились, он ещё работал вахтовым методом, а сыночку исполнилось четыре годика. Верочка, как она мне сказала, заскучала в трёхкомнатной квартире свекрови, ребёнка определила в садик, а сама вышла на работу по рекомендации тёти. Она никогда не жаловалась на отсутствие мужа, твёрдо зная, что её Пашенька делает всё правильно – зарабатывает на отдельную квартиру. Вера очень уважительно относилась к свёкру и свекрови, а уж сына любила до умопомрачения! Не знаю, воспитали её так, или она в своей маленькой семье ввела такой стиль общения, я никогда не слышала, чтобы мужа она называла Павел или Паша, только в уменьшительно-ласкательном – Пашенька, Павлюнчик.

Сынок у неё – Серенький, Серёженька. Наверное, именно поэтому все в коллективе её тоже называли Верочка. К тому времени, когда я поступила на работу в училище, Вера с работы уволилась, чтобы посвятить себя семье. Павел приехал с Севера с большими деньгами, и они купили двухкомнатную квартиру в том районе, где находилось училище. Иногда после работы, когда я точно знала, что у меня дома никого нет, я заходила к Верочке в гости. Конечно, о

ситуации в семье я ей рассказала, она сочувствовала всей душой и иногда пыталась дать совет. Перед майскими праздниками я забежала к подруге. Она выглядела подавленной, глаза были на мокром месте. Такой я её никогда не видела!

– Машенька, как хорошо, что ты зашла! Мне как раз некому рассказать о своей беде. Мне сказали, что моего Пашу видели в обществе какой-то девушки! Он мне изменяет!

– Верочка! Почему ты сразу поверила слухам? Ты с Пашей говорила?

– Нет, я боюсь... И в то же время, я не верю, что он на такое способен!

– Верочка, милая моя! Успокойся! Давай разберёмся. Вы жили врозь больше трёх лет, так?

– Да.

– У тебя хоть раз закрались сомнения, что он там гуляет?

– Нет, никогда, – продолжала всхлипывать Вера.

– А ту женщину, которая тебе сообщила, ты хорошо знаешь? Вы с ней дружили?

– Нет. Это соседка по подъезду. Живёт одна, с мужем развелась, воспитывает дочь. С девочкой во дворе познакомился Серёженька, а мы потом с её мамой вместе сидели во дворе на лавочке, обсуждая проблемы детей.

– А тебе не показалось, что она из зависти могла тебе сообщить такую новость? Вы же с ней не подруги?

– Нет, она не моего круга общения, грубоватая, не очень следящая за собой и дочкой.

– Они были у вас в гостях?

– Один раз. Случайно так получились, что дети без разрешения пришли к нам, а она искала дочку и позвонила мне. Я видела, как она удивилась обстановке в нашей квартире...

– Вот, мне кажется, всё из зависти! Почему у тебя и муж, и квартира, и обстановка, и сын хорошо одет, а у неё – ничего! Верочка! Успокойся! Ты бы видела со стороны, как Паша на тебя смотрит! Глаза просто сияют от счастья! И сына он обожает. Как он может изменить тебе? Подумай хорошенько! Вечером передай ему разговор с соседкой и всё выясни. Зачем себя изводить напрасно?

– Машенька, наверное, ты права. А у вас что-то поменялось?

– Поменялось, только лучше не стало. Мы решили принять его девушку, даже начали усиленно приглашать их в гости, но сын сделал вывод, что он теперь полностью свободен от семьи и хоть каких-то семейных обязательств. У него экзамены скоро, а он на праздники собрался в поход на байдарках. Я категорически против, а муж меня не поддерживает. Сказал, пусть идёт, раз считает себя взрослым. Не можем же мы его удержать силой!

– Да, – вздохнула Вера, – нас тоже не минует подростковый возраст. Как будем справляться?

– Рано тебе об этом думать. Что мне посоветуешь?

– Сходи в школу, узнай, как там обстановка, что думает классный руководитель по поводу пропуска школы перед экзаменами. Может быть, школа как-то поможет?

– Мне ничего больше не остаётся делать, как заручиться поддержкой в школе. Наш авторитет у него на нуле! А это больно и обидно. Растили сына, а он почти всё свободное время проводит у своей девушки. Я как подумаю о ней, у меня в душе просто взрыв негодования – как она может встречаться с ребёнком? – тут у меня потекли слёзы.

– Машенька, всё как-нибудь образуется, не рви себе душу.

– Как же, образуется! Он становится не только всё более упёртым, он ещё хитрым стал и изворотливым! Помнишь, до приезда свекрови, мы собирались купить себе дачу? Теперь, конечно, цены подскочили, но мы всё равно решили свою мечту осуществить. Посмотрели несколько вариантов, потом один по направлению Ерика нам приглянулся. Решили свозить туда детей, понравится ли им. Егор как увидел, в каком месте дача, так сразу сказал, что ему всё нравится! И он готов помогать нам её отремонтировать! Мы дачу купили, он несколько

раз туда приезжал, но ночевать с нами не оставался. Потом оказалось, что у Валентины, вернее, у её родителей, дача в этом же массиве! И он, уходя от нас, ждал её на остановке, чтобы проводить до дому! Если бы я знала, что у нас дачи по соседству, я бы ни за что не покупала там! Теперь он и дома не бывает, и на дачу приезжает на часок, а потом сбегает помогать той семье... Разве мне не обидно? Мы для них ведь дачу хотели, чтобы у детей свой зелёный уголок был, чтобы там семьёй находиться, шашлыки жарить, в бадминтон играть, клубнику выращивать... А ему ничего не надо! Алёнка тоже обижается на брата, что он дома не живёт. Старается нас поддерживать, утешать. Мне её бывает так жалко! Она натура очень чувствительная и сострадательная, из-за Егора она боится из дому вечером выходить, чтобы родителей не расстраивать. Есть опасение, что она и с парнями встречаться не будет, имея такой пример. Ох, как же всё трудно! Верочка, не дай Бог тебе такое пережить! А вечером поговори с мужем, я думаю, это наговор. На следующей неделе заскочу, поговорим. Может, на дачу к нам на праздники приедете всей семьёй?

– Если семья у меня есть, то приедем.

– Не говори так! У вас самая замечательная семья, которую я знаю! И Паше твоему я верю! Всё, подружка, побежала я на автобус, ещё за продуктами по дороге зайти нужно.

Мы обнялись, я надела плащ, повязала лёгкий шарфик и пошла на остановку. Я переживала за подругу и очень хотела, чтобы с её семьёй не случилось беды.

Дома меня ждала записка: «Уехал на дачу. Полью клубнику, помидоры. Там заночую. Егор.»

Глава 3

Как преодолеть свой страх?

Год назад все друзья и знакомые считали нас дружной семьёй, мы вчетвером ходили в кино, к речке на шашлыки, к друзьям в гости. Мы с мужем заботились о детях, помогали им в учёбе, если они сами просили об этом, покупали им пластинки, а потом и кассеты, планировали совместные покупки и поездки в отпуск. Потом Егор, на нашу беду, случайно попал в тур клуб, где собирались байдарочники. Он был самым юным, но и самым увлечённым. Почему вдруг он так полюбил водный туризм, мы не поняли, но решили поддержать увлечение. Пусть занимается, если ему понравилось. Только мы не учли, что в это же лето он решит проверить свои теоретические навыки на деле. Как-то пришёл с тур клуба сияющий:

– А меня могут взять в настоящий поход в Карпаты! Вы отпустите? – посмотрел на нас с Сашей с надеждой и вызовом одновременно.

– А когда поход? – спросила я, чтобы дать себе немного подумать.

– В июле.

– Егор, но мы же все собирались ехать на море! – сказал Саша.

– А в августе нельзя будет съездить? – сын начал заметно нервничать, явно для себя всё решив.

– Сынок, ты ещё так мало занимался в тур клубе, мне кажется, рано тебе в поход, – я старалась говорить спокойно, – нам пока не хотелось бы отпускать тебя одного. Так далеко и опасно.

– Мам, что там опасного? Мы же в спас жилетах будем и в шлемах! И там будет много взрослых, они будут за меня отвечать.

– Нет, Егор, я категорически против похода именно этим летом! Вы взрослеете, и наша совместная поездка всей семьёй на море, возможно, будет последней. Давай ты годик потренируешься, а на следующее лето мы и байдарку купим, и заранее спланируем свой отпуск с Алёнкой и твой поход. Потом, мы никого не знаем из тех людей, с которыми можем отпустить подростка. А если что случится? – я смотрела на сына испуганными глазами.

– Ну вот, я так и знал! Что я теперь в клубе скажу? Что я маменькин сынок, и мама меня не отпустила? – Егор начал раздражаться и повышать голос.

– Маша, давай пока не будем принимать решения. Нужно познакомиться с руководителем клуба, посмотреть маршрут, узнать, сколько всё это будет стоить, нельзя же парню всё время быть около тебя. Да, ты очень беспокойная мама, но дети растут... Я в восьмом классе уже из дому уехал и поступил в физ-мат школу. Тоже далеко.

– Саша, время было другое! С этой гласностью и перестройкой в стране такая неразбериха! А Карпаты – это же западная Украина! Там всегда к русским не очень хорошо относились.

Егор стоял в растерянности. Мои доводы его не убеждали, он просто думал о том, как сломить моё сопротивление. Как потом оказалось, он уже твёрдо пообещал товарищам по клубу, что на него можно рассчитывать. Если он откажется, то и второй человек в байдарке в поход пойти не сможет. Этим человеком, случайно или нет, оказалась Валентина. Об этом мы тоже не знали, ... Если бы и узнали, могли мы предположить, что взрослая девушка влюбится в пацана?

Неделю Егор практически со мной не разговаривал. В семье нарастала напряжённость. Алёнка стала на мою сторону, а Саша решил поддержать сына, почти каждый вечер уговаривая меня смириться с тем, что он взрослеет, и пора его отпускать.

– А если он утонет? А если получит травму? А как со спиной, он ведь так к врачу и не сходил? Ты представляешь себе, сколько весит байдарка? Да ещё и рюкзак с палаткой? Не под силу ему поход! Не по возрасту! Ему только четырнадцать! – мне казалось, я говорю очевидные вещи, а муж отмахивался от моих доводов, стоя на своём.

– Маша, если так рассуждать, то из дому его тоже выпускать нельзя. А вдруг машина сойдёт? А вдруг кирпич с крыши упадёт? От жизни и её опасностей не застрахуешь!

– Саша, ну что ты такое говоришь? Накаркаешь! Понимаешь, чувствую я, что нельзя его отпускать! Как подумаю об этом походе, в груди начинает жечь. Можете вы хоть раз меня послушать!

– Я не знаю уже, кого мне слушать, – Саша очень не любил подобные ситуации, когда нужно выбирать из двух зол. – Предлагаю пока ничего не предпринимать. Пусть сам ещё раз всё обдумает.

Только сын сам думать не стал. В субботу после клуба он вернулся домой чуть раньше, чем обычно, в сопровождении руководителя клуба Геннадия Сергеевича, которого все звали Геныч. Мне он сразу не очень понравился своим простецким видом и речью. Конечно, как воспитанный человек и радушная хозяйка, я пригласила нежданного гостя пройти в гостиную. Я села на диван, муж рядом, Геннадий уселся напротив нас на стуле, широко расставив ноги. Егорка остался стоять.

– Мария Ивановна и Александр Александрович! Понимаю, что пришёл без приглашения, но другого выхода нет, – он помолчал. – У вас вырос замечательный сын! Он очень ответственный и взрослый. Не по годам. Я уже не раз сплавлялся по рекам на байдарке. И не каждого могу взять с собой. А вашего возьму! И отвечаю за него головой! У меня тоже есть сын, но он ещё мал. Вырастет – обязательно будет ходить со мной! Отпустите Егора! Иначе у нас поход не состоится! Заменить его некем, а всё уже расписано на четыре экипажа. Я вас уверяю, никакой опасности сплав по этой реке не представляет! Привезу его в целостности и сохранности! – Геннадий почти всё время обращался ко мне.

– Даже не знаю, что вам ответить, – под таким натиском я потеряла почву под ногами. – Он самостоятельно ещё никуда не ездил! Мы всей семьёй собирались на море.

– И что он там делать будет? – удивлённо посмотрел на меня руководитель клуба. – На песочке загорать? Вечером на дискотеку ходить? Это же для парня – скукота! Александр Александрович! Вы же хотите, чтобы сын вырос настоящим мужчиной? И вы сами в молодости спортом занимались. Пора отпускать его в самостоятельное плавание!

– Ладно, мы подумаем, – я решила сразу не сдаваться. – До похода ещё больше месяца, время есть.

– Не так много. Нам ещё снаряжение готовить надо и билеты на поезд уже покупать пора. Пожалуйста, отпустите парня! Посмотрите на него, он так хочет быть самостоятельным!

– Молодой человек, я сказала, что подумаем! – мне было неприятно, что какой-то незнакомый мне Геннадий Сергеевич решает за нас, что будет лучше для нашего сына.

В течение всего года после этого злосчастного похода я ругала себя и мужа, что мы поддались на уговоры и отпустили Егора. Тем самым мы определили его дальнейшую жизнь, полную горечи, боли, тревоги и ноши не по годам. Нам же выпала доля отчаявшихся родителей...

Где та невидимая грань между ребёнком и подростком? Всем ли родителям удаётся пройти подростковый возраст детей без боли, разочарования и потерь? В тот период я часто вспоминала себя, но, во-первых, я была девочкой, а во-вторых, родителям до меня не было никакого дела. Они жили своей жизнью, а я – своей. Где-то в классе восьмом я без разрешения уехала с подругой и её родственниками в Домбай. Я сказала младшему брату, чтобы передал отцу о моём позднем возвращении – и всё! Я любовалась красотами гор, речушек, цветов, я была поглощена нечаянным путешествием, радостью общения с подругой, я совершенно не думала о том, что будет, когда я вернусь домой. Умом я понимала, что у Егора наступил такой период, когда семья отодвигается на второй или последний план, но я его так любила, что принять подобную ситуацию душой не могла.

Почему у нас в семье снова, год спустя, напряжение из-за похода? Второй раз нет ни одной причины, чтобы отпустить его туда на майские праздники, но ни предстоящие экзамены, ни мой категорический отказ, ни слёзы сестры не помогли.

– Я всё равно уйду, даже если вы все против! – кричал Егор, хлопал дверью и уходил в клуб строить байдарку.

Я решила пойти в школу и поговорить с классным руководителем, той самой учительницей, в которую он был влюблён когда-то. Татьяна Николаевна встретила меня любезно и полностью стала на мою сторону. Она была обеспокоена поведением Егора – он стал нервным, недисциплинированным, мрачным, он не принимал никакого участия в жизни класса и почти ни с кем не дружил. Обычно в восьмом классе образуются группы и группировки – по интересам, по месту проживания, по социальному положению. Егор пришёл в первый в городе математический класс два года назад из другого района города, каждый день добирался до школы на троллейбусе, поэтому друзей-приятелей, которые бы ездили с ним, у него не было. Интересы его лежали совсем в другой плоскости – байдарками в классе тоже никто не увлекался. Единственный друг, а лучше сказать, приятель, помогал ему проводить в школе дискотеки. К нам домой он не приходил. Надеяться на то, что в классе как-то повлияют на поведение Егора, Татьяна Николаевна мне не советовала. И что можно было предпринять, тоже не знала.

– Мария Ивановна, вас волнует только учёба сына или что-то ещё? Мне кажется, судя по его поведению, у него появилась девушка, но не из нашей школы. Это так?

– Да, так, – у меня начала дрожать нижняя губа, я часто моргала, чтобы не заплакать.

– Расскажите, что у вас произошло, – Татьяна Николаевна смотрела на меня с участием. Я коротко поведала историю знакомства Егора с Валентиной и попросила поговорить с ним, используя свой авторитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.